

**Красноярский культурно-исторический музейный комплекс
Международная Коалиция мемориальных музеев Совесть
Мемориальный центр истории политических репрессий
«Пермь-36»**

**Сборник материалов
краевого семинара-тренинга
«Проблемы музейного проектирования.
На примере темы «Политические репрессии»
(1930-50-е гг. XX в.)**

**13-15 апреля 2009 г.
п. Новобирюлы
Бирюлюсского района Красноярского края**

КРАСНОЯРСК 2009

ББК 79.10
П 78

Главный редактор:
Е.Л. Зберовская,
Кандидат исторических наук

Редколлегия:
В.Н. Бондарева,
зам.директора по научной работе
Красноярского культурно-исторического
музейного комплекса
И.С. Лысенко,
Научный сотрудник
Красноярского культурно-исторического
музейного комплекса

**П 78 Сборник материалов краевого семинара-тренинга
«Проблемы музейного проектирования. На примере темы
«Политические репрессии» (1930-50-е гг. XX в.) / ООО Изда-
тельство «Красноярский писатель» – Красноярск, 2009. – 100с.**

Публикуется при финансовой поддержке
Международной Коалиции мемориальных музеев Совести
и Мемориального центра истории политических репрессий
«Пермь-36»

ОТ РЕДАКЦИИ

Вниманию читателей предлагается сборник материалов краевого семинара-тренинга, посвященного проблеме изучения и интерпретации темы «Политические репрессии» в работе музеев Красноярского края. Инициатором проведения семинара стал Красноярский культурно-исторический музейный комплекс, который уже длительное время ведет исследовательскую и просветительскую деятельность по заявленной теме, активно привлекая к диалогу научное сообщество и общественность сибирского региона.

Выбор исследовательской темы обусловлен тем, что Красноярский край стал одним из тех регионов страны, где общественно-политические деформации 1930 – н. 1950-х гг. проявились особенно ярко. Сюда массово направляли различные «спецконтингенты», которые сыграли свою роль в осуществлении модернизации края. В то же время и местное население на себе в полной мере испытало действие механизмов «раскрестьянивания» и выявления «врагов народа» в ходе политических репрессий 1930-х гг. Таким образом, драматические события сталинского периода тесно переплелись с историей региона.

Семинар задумывался устроителями, прежде всего, как площадка для обмена опытом по реализации темы «политические репрессии» в деятельности музеев Красноярского края. Подводя его итоги, организаторы отмечают, что диалог во многом удался (статья В.Н. Бондаревой и И.С. Лысенко). Вместе с тем, обсуждение темы выявило разные позиции по вопросам ее интерпретации, экспозиционной подачи посетителям музея. Надеемся, что предлагаемые в сборнике материалы (например, статья В.Г. Марьясова), окажут существенную методическую помощь работникам районных музеев в экспозиционном воплощении предлагаемой темы.

Музеи Красноярского края имеют разный опыт работы по теме «политические репрессии» и неодинаковый уровень освоения темы. Это хорошо прослеживается в публикациях четвертой главы предлагаемого издания. Особого внимания заслуживает многолетняя работа сотрудников Игарского краеведческого комплекса «Музей вечной мерзлоты», обобщенная в статье его директора. Подчеркнем, что для организаторов семинара ценным является опыт каждого участника, заинтересованного в исследовании темы.

Сегодня музей создает не только поликультурное пространство. Это место, где на осмысление предъявляются актуальные и острые темы отечественной истории. Музей таким образом в определенной степени участвует в формировании гражданской позиции. В представлении темы репрессий гражданская позиция, заключается, прежде всего, в том, чтобы не остаться равнодушным не только к теме, но и людям, пережившим репрессии.

Гражданская позиция музеев как общественно-культурной институции – это несение ответственности за ту информацию, которая транслируется музейными средствами; это воспитание уважительного отношения к истории, включая её самые трагические страницы, что имеет прямое отношение к формированию патриотизма, любви к Родине.

Перед современными музеями стоит важнейшая задача – включать историю Отечества в музейное пространство и делать её достоянием широкой общественности.

Часть I
Историко-социальное
погружение

МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ 1930 — НАЧАЛА 1950-Х ГГ. В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Е.Л.Зберовская

к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории
исторического факультета КГПУ им. В.П.Астафьева

В последние два десятилетия репрессивная политика советского государства стала активно изучаться в отечественной исторической науке. За прошедший период ученые центра и регионов страны значительно продвинулись в ее изучении, чему в немалой степени способствовало открытие ранее засекреченных архивных материалов. На сегодняшний день библиография темы насчитывает тысячи наименований, из нее выделились самостоятельные направления исследований – история ГУЛАГа, депортации и спецпоселения различных социальных и национальных групп и т.д. В свою очередь, внутри направлений исследователи разрабатывают множество самостоятельных тем (например, «кулацкая» ссылка, депортация поляков, немцев и т.д.).

По мере продвижения изучения многогранной проблематики репрессий в регионы, среди них выявились лидеры научных изысканий, задававшие темп и направления исследований. За Уралом таковым стали Екатеринбург, Новосибирск, Томск и др. В силу разных причин (в том числе сохранения грифа секретности на соответствующих материалах в архиве МВД), Красноярский край в число лидеров не попал, хотя имел хороший потенциал для исследований, т.к. в период сталинских репрессий массово принимал почти все репрессированные контингенты. Тем не менее, и здесь предпринимались шаги в направлении изучения обозначенной темы.

К числу наиболее заметных работ по истории политических репрессий в Красноярском крае можно отнести публикации А.С. Ильина и диссертационное исследование Макарова¹. Вопросы депортации и спецпоселения «раскулаченных» крестьян изучала О.В. Корсакова². Демографические последствия принудительного переселения для немецкого этноса на материалах Красноярского края исследовала Л.Н. Славина³.

Постепенно формировалась источниковедческая база для научных изысканий. Большой вклад в ее создание и расширение

внесло красноярское историко-просветительское правозащитное и благотворительное общество «Мемориал». По его инициативе и финансовой поддержке в течение нескольких лет осуществляются экспедиции в разные районы края с целью записи устной истории (главным образом – это интервьюирование сельских жителей – свидетелей происходивших событий, бывших репрессированных и их потомков)⁴. При активном участии «Мемориала» в 2004 – 2008 гг. были изданы Книги памяти жертв политических репрессий Красноярского края, содержащие, в основном, списки незаконно репрессированных граждан⁵.

В 1990-2000-е гг. вышли в свет воспоминания людей, переживших лагерь, ссылки, депортации. Среди них можно отметить произведения Фукса В.Г., Ряннеля Т.В., Майера Р.А.⁶. Сбором и публикацией воспоминаний репрессированных занимался ряд музеев Красноярского края⁷.

Нарративные источники, в совокупности с сохранившейся в Архивном агентстве Красноярского края делопроизводственной документацией (отчеты, распоряжения, стенограммы заседаний партийных и советских органов) создавали основу для дальнейших исследований темы политических репрессий и их последствий.

В данной публикации мы попытаемся создать общую картину осуществления репрессивной политики в сталинский период на территории Красноярского края, не претендуя на детальное исследование абсолютно всех ее компонентов.

При изучении темы мы исходили из понимания массовых репрессий как элемента политики тоталитарного государства. Их применение нарушает основные права и свободы человека и «несовместимо с идеей права и справедливости»⁸. Мы считаем, что принцип политической целесообразности не может быть единственным мерилom при оценке внутренней политики государства.

История массовых репрессий в 1930-е гг. в Красноярском крае началась с проведения политики «раскулачивания» крестьянства.

В Сибирском крае в 1927 г. «кулаки» составляли незначительную часть деревни – 6,7% крестьянских хозяйств (9% населения). Но их экономические позиции были достаточно прочными. Им принадлежало 18,9% хозяйственных построек, 54,1% - сельских торгово-промышленных заведений, 15,8% - скота, 22,2% - товарной продукции зерновых⁹.

Экономическое наступление на зажиточную часть деревни началось еще во второй половине 1920-х гг., когда советское руководство взяло курс на перевод крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства¹⁰. Кризис хлебозаготовок окончательно склонил власть к методам насильственной экспроприации зажиточной и незажиточной части деревни.

По подсчетам Н.Я. Гущина, в результате наступления на «кулачество» в Сибирском крае уже в конце 1920-х гг. было репрессировано около четверти зажиточных хозяйств¹¹. Как отмечает историк Л.Э. Мезит в 1928 – 1929 гг. в ряде районов допускались продразверсточные меры хлебозаготовок в отношении всех крестьянских хозяйств: подворный обход крестьян, проверка амбаров, обложение всех дворов планами хлебосдачи¹².

После январского (1930 г.) Пленума ЦК порочные методы коллективизации в Сибири стали применяться особенно широко. В итоге, в начале 1930-х гг. «кулачество как социально-имущественная группа деревни свое существование фактически прекратило»¹³. Однако произошедшие социальные изменения в деревне не были учтены властями при проведении политики коллективизации и на 1930-й год Крайисполком определил контрольную цифру «раскулаченных» - 2137 хозяйств¹⁴. Очевидно, что в число последних должна была войти незажиточная часть деревни. Само понятие «кулачество» получало широкое толкование, имеющее не экономическое, а в большей степени политическое наполнение.

«Кулаки» делились на три категории: 1) контрреволюционный актив, противодействующий организации колхозов; 2) богатые «кулаки», являвшиеся оплотом антисоветского актива; 3) остальные «кулаки». Главы кулацких семей первой категории арестовывались, их дела направлялись на рассмотрение в ОГПУ, прокуратуру. Их семьи, равно как и «кулаки» с семьями относящиеся ко второй категории высылались в отдаленные районы страны на спецпоселение. «Кулаки», попавшие в третью категорию подвергались переселениям внутри края или области¹⁵.

Механизм «раскулачивания» и депортации репрессированных крестьян достаточно подробно описан современными исследователями. Его действие планировалось и осуществлялось органами ОГПУ при участии батрацко-бедняцкой части деревни. Пытаясь «расколоть» деревню, власть делала ставку в борьбе с «кулачеством» на батраков и колхозный актив. На собраниях они ини-

цировали «раскулачивание» односельчан, активисты проводили экспроприацию имущества. Принудительное переселение и размещение в новых районах крестьянских семей было прерогативой ОГПУ¹⁶.

Весной 1930 г. в Сибирском крае «раскулачили» 59,2 тыс. хозяйств. По первой категории репрессировали - 10,5 тыс. «кулаков», по второй – 82,9 тыс. чел. Остальные «кулаки» были отнесены к третьей категории. Значительная их часть мобилизована на строительство крупных промышленных объектов Сибири, рыбные промыслы, лесозаготовки¹⁷. На территории Красноярского края только за первую половину 1930 г. внутренними перемещениям подверглось более 5000 крестьянских семей¹⁸. Эта категория «раскулаченных», как правило, направлялась на освоение малообжитых северных районов края.

Представление о половозрастном составе выселяемых семей в некоторой степени могут дать опубликованные архивные материалы. По сведениям ОГПУ весной 1930 г. (см. табл. 1 приложения) среди «кулаков» второй категории в Сибкрае женщины и дети составляли 74,3%. В Ачинском и Канском округах их доля в составе переселяемых была еще выше – 80,1 и 80,8% соответственно. Очевидно, что эта наименее защищенная часть деревни не могла представлять серьезной угрозы существованию советской власти.

Политика насильственной коллективизации деревни вызвала протест в крестьянской среде. Сопrotивление выражалось в разных формах – массовых выступлениях, неповиновении властям, распространении антисоветских настроений (листовки, письма, воззвания и т.д.). Наиболее опасными власть считала массовые выступления, численность которых с началом в стране коллективизации резко возросла – с 1307 в 1929 г. до 13754 в 1930 г.¹⁹. В Сибкрае с октября 1929 по апрель 1930 г. было ликвидировано «46 организаций повстанческого характера и 24 политбанды с общей численностью участников более 2000 чел».²⁰ На территории Приенисейского региона крестьянские выступления происходили практически повсеместно – в Новоселовском районе Красноярского округа под руководством «кулаков» А.Г. Вихляева, О.И. Гудовича, в Шиткинском и Нижнее-Ингашском районах Канского округа во главе с крестьянином К.П. Степаненко, в Каратузском и Ермаковском районах Минусинского округа действовали отряды «черных партизан» и т.д.²¹. Все крестьянские выступления были жестко подавлены властями.

С начала 1930-х гг. Красноярский край быстро наполнялся репрессированными крестьянами из других регионов страны. За первые два года коллективизации сюда прибыло 24200 «раскулаченных» семей. Они были выселены из Украины и Белоруссии, Азово-Черноморского края, Средне-Волжского и Нижнее-Волжского края, Центрально-Черноземной области²².

Местами расселения депортированных крестьян стали спецпоселки. В 1938 г. в Красноярском крае их насчитывалось 120. В них было размещено 58863 трудпоселенца²³. Жизнь крестьян-спецпереселенцев протекала под пристальным контролем со стороны спецкомендатур ОГПУ, возглавляемых комендантами.

Депортации крестьян и пребывание их на спецпоселении регулировались директивами исполнительных органов и не были подкреплены законодательными актами. В целом, ситуацию в деревне с началом политики коллективизации С.А. Красильников характеризует как «правовой беспредел». Это определение можно отнести и произвольному толкованию понятия «кулак» и к отсутствию такой репрессивной меры как массовое принудительное переселение семей в советском уголовном законодательстве. «Трагедия спецпереселенцев – отмечает исследователь - была в том, что формально они не считались репрессированными и не лишались свободы, но фактически являлись таковыми»²⁴.

В октябре 1931 г. руководство ГУЛАГа представило «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев», действовавшее на протяжении всех 1930-х гг.. Высланные крестьяне были ограничены в правах. Первоначально они не имели избирательных прав (их восстановление происходило постепенно в период с 1933 по 1936 гг.). Режим спецпоселения предполагал и отсутствие свободы передвижения. Трудпоселенцы в ряды Красной Армии не призывались и на учете в военкоматах не состояли.

Главной обязанностью депортированных крестьян был ударный труд. Причем 15% с заработка спецпереселенцев работодатели удерживали на расходы, связанные с административным обслуживанием семей.

Спецпереселенцев направляли в промышленность Красноярского края – главным образом, в лесную и золотодобывающую. По заявкам предприятий ссыльные крестьяне трудились в подразделениях

трестов «Красдрев», «Краслес», «Минусазолото», «Хакасзолото» и др.²⁵.

Ликвидация режима спецпоселений в СССР для репрессированных крестьян произошла уже после окончания Великой Отечественной войны, в 1946 – 1952 гг. В Красноярском крае этот процесс начался в 1947, согласно постановления Совета Министров СССР от 7 мая 1947 г. Всего было освобождено 27850 бывших «кулаков»²⁶.

В последние два десятилетия вышло большое число публикаций по истории крестьянства на рубеже 1920 – 1930-х гг. Однако, как отмечает новосибирский исследователь С.А. Красильников, осмысления ключевых проблем теоретического и конкретно-исторического характера еще не произошло. В первую очередь, это касается понятийного аппарата, который несет на себе отпечатки советской эпохи (использование без каких либо оговорок терминов раскулачивание и бывшие кулаки) или представляет некие «гибридные» понятия (раскулаченные спецпереселенцы). Для определения сущности переломных процессов в советской деревне С.А. Красильников предлагает понятие «раскрестьянивание», которое отражает главное изменение в позиции крестьянства – оно утратило экономическую самостоятельность и независимость от государства в ходе форсированной и насильственной коллективизации²⁷.

Массовые репрессии середины 1930-х гг., прокатившиеся по всей стране, на территории Красноярского края характеризовались высокой интенсивностью. Как отмечает исследователь А.А. Макаров, они затронули все слои населения (от священнослужителей до партийных работников)²⁸.

«Чистке» подверглась большевистская партия. На основании закрытого письма ЦК ВКП(б) от 18 января 1935 г. «Уроки, связанные с злодейским убийством тов. Кирова» развернулись репрессии против бывших партийных оппозиционеров. В 1935 г. Особое совещание при НКВД СССР за троцкистско-зиновьевскую деятельность осудило 3262 чел.²⁹. Всего в ходе репрессий 1934 – 1938 гг. пострадало 60% состава Красноярского крайкома ВКП(б), 2/3 членов райкомов партии.

Основной контингент репрессированных 1934–1935 гг. в Красноярском крае составляли «классово-чуждые» лица. Наибольший процент (39%) среди них - «вредители» в колхозах и совхозах. Значительную часть среди репрессированных составили бывшие белогвардейцы (16% арестованных среди бывших «антисоветских

элементов»). Были развязаны компании против этнических групп населения, которым, как правило, инкриминировались шпионаж, вредительство, диверсии. Так, в рамках «польской операции» НКВД в Красноярске была ликвидирована группа польского повстанческого легиона Сибирского подпольного комитета³⁰.

Массовым репрессиям подверглись не только политические противники, но и бывшие активные сторонники советской власти – «красные партизаны». Процессы против них были во многом связаны с репрессированным наркомом земледелия РФ, бывшим партизаном В.Г. Яковенко. Были «разоблачены» Канский повстанческий кулацкий центр, «Краевой Повстанческий Центр контрреволюционной организации правых» и т.д.³¹.

Репрессии в крае были тесно связаны с громкими московскими процессами. Например, руководство Красноярской железной дороги было арестовано по обвинению в связях с так называемым «Параллельным антисоветским троцкистским центром»³².

Всего за период с 1934 – 1938 гг. в крае было осуждено 30 тыс. чел.

В 1940 – н. 1950-х гг. Красноярский край стал одним из мест размещения многих национальных «спецконтингентов» - поляков, финнов, немцев и др.

После присоединения к СССР накануне войны новых территорий, началась их «зачистка» от «антисоветских враждебных элементов». Как и в случае с «кулацкой ссылкой» репрессии носили внесудебный характер. Принудительному переселению подвергались не отдельные лица, а семьи без предъявления обвинения.

Предвоенные депортации «дали» краю свыше 30 тыс. вынужденных переселенцев. Первыми прибыли польские «осадники» (15538 чел.) и «беженцы» (1459 чел.), переселенные с территорий бывшей Восточной Польши. Их появление в 1940 г. положило начало советской этнической ссылке в регионе. В июле 1941 г. прибыли новые контингенты ссыльнопоселенцев из Западной Украины (3300 чел.), Белоруссии (6850 чел.), республик Прибалтики (8189 чел.)³³.

Депортированные семьи, как правило, размещали в спецпоселках (см. приложение табл. 3). Такой вид расселения, известный еще по «кулацкой» ссылке удачно совмещал в себе принцип изоляции переселенцев и решения производственных задач.

С началом войны поток переселенцев возрос. Самым многочисленным в крае оказался немецкий контингент, представленный высланными из Поволжья в сентябре 1941 г. (75508 чел.)

и Ленинграда и области в апреле 1942 г. (18895 чел.) немцами. Одновременно с немцами из Ленинградской области выселили финнов и ингерманландцев (17837 чел.). В 1942 г. прибыли выселенные из Краснодарского края и Ростовской области греки (3565 чел.)³⁴. УНКВД и крайисполком распределяли «спецконтингенты» по районам края, а местная администрация направляла по 30 – 50 семей переселенцев в отдельные населенные пункты. Дисперсный принцип расселения депортированных семей стал преобладающим с начала войны.

Депортированные калмыцкие семьи доставили в Красноярский край в 1944 г. в самый разгар январских морозов. Долгая дорога в Сибирь в холодных товарных вагонах оказалась особенно трудной для стариков и детей. По данным Красноярского УНКВД в пути погибло 434 чел., остальные 24998 чел. направились на новые места поселения³⁵.

На заключительном этапе войны появились новые депортированные группы – «фольксдойче» и «оуновцы». Первые были помещены в специальном Черногорском лагере, вторые направлены на спецпоселение в районы края. Всего в 1940–1945 гг. на спецпоселение в Красноярский край прибыло 180232 чел³⁶.

Основные послевоенные контингенты прибывали в край с присоединенных к СССР в 1939–1941 гг. западных территорий. К 1953 г. их численность была следующей: «оуновцы» – 14322 чел.; члены семей бандитов и националистов, «кулаков» – 35584 чел.; «кулаки из Литвы» – 10827 чел.; выселенные из Псковской области – 400 чел. Кроме них на спецпоселение в Красноярский край в 1945 – начале 1950-х гг. были направлены «власовцы» – 6741 чел., «указники» – 2332 чел., немцы-репатрианты – 4090 чел. Всего на спецучете к началу 1953 г. состояли 151502 чел³⁷. Красноярский край стал уникальным в своем роде сибирским регионом, где были масштабно представлены почти все послевоенные «спецконтингенты».

Прибыв на новые места поселения, депортированные семьи подвергались дальнейшим перемещениям. Так, согласно Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбной промышленности в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока» немцев, литовцев, латышей, финнов, греков летом 1942 г. отправили в северные районы края осваивать рыбные промыслы. Новому переселению подверглись более 23 тыс. труд- и спецпереселенцев³⁸. Не вызывает сомнения, что высланные на спецпоселение семьи вос-

принимались руководителями всех уровней как дешевая и послушная рабочая сила, которую можно использовать для освоения территорий и решения хозяйственных задач.

Труд являлся не только главной обязанностью спецперселенцев, но и важнейшим источником существования для депортированных семей, сумевших вывести лишь небольшую часть своего имущества из мест выселения. Таким образом, от выполнения производственных норм (особенно в первые годы выселения) зависело выживание семей.

По мнению историков, изучавших историю спецпоселений, период адаптации у депортированных составлял в среднем около 5 лет. За это время люди привыкали к климату, новому социуму, постепенно приобретали профессиональные навыки, необходимые для выживания в местах ссылки.

Система спецпоселения, созданная еще в 1930-е гг. в последующее десятилетие существенно разрослась. Все депортированные контингенты находились под надзором спецкомендатур. К январю 1952 г. в Красноярском крае их насчитывалось 192 ³⁹. Формально, за спецпоселенцами сохранялись почти все права. Согласно Постановления СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев», они были лишены лишь свободы передвижения. Фактически это ограничение влекло за собой ущемление других конституционных прав и свобод: на образования, получения медицинской помощи и т.д., поскольку выезжать за пределы населенного пункта спецпоселенец мог только с разрешения спецкоменданта.

Освобождение от спецпоселения для депортированных национальных и социальных групп началось только после смерти Сталина. Во второй половине 1950-х гг. специальный режим проживания был ликвидирован почти для всех категорий спецпоселенцев. В конце 1950-х гг. в местах ссылки оставались представители прибалтийских народов и украинцы, которым из-за политической неблагонадежности статус полноправных граждан возвращать не спешили. Полное освобождение указанных контингентов произошло уже в начале 1960-х гг., после ликвидации в 1959 г. самого отдела спецпоселений.

В последнее десятилетие в отечественной историографии наблюдается процесс осмысления накопленного (благодаря «открытию» архивов) эмпирического материала по истории советской этнической ссылки. Дискуссионным является вопрос о

характере сталинских выселений народов. Можно ли квалифицировать их как «депортацию», определяя, таким образом, репрессивный характер действий советского руководства, или использовать более нейтральное определение - «принудительные переселения», исключая репрессивную составляющую.

Считаем, что термин «депортация», используемый Н.Ф. Бугаем и другими исследователями в большей степени отражает суть происходивших процессов. Этноты не только подвергались принудительному выселению без предъявления конкретного обвинения, но и направлялись под надзор карательных органов на спецпоселение в малонаселенные районы Сибири и Средней Азии. Таким образом, карательная, репрессивная сторона депортаций 1940 – н. 1950 гг., обнаруживается во всем комплексе мер применяемых к спецпереселенцам.

Массовые репрессии стали неотъемлемой характеристикой общественной жизни страны в сталинский период. Красноярский край уверенно подтверждал эту печальную характеристику. Сюда активно высылали «раскулаченных» крестьян, депортировали немцев, поляков, латышей и другие «спецконтингентъ». Большие неосвоенные территории и большие запасы природных ресурсов делали край особо «привлекательным» регионом для ссылки «неблагонадежных» социальных групп. «Спецколонизация» региона проходила под строгим контролем ОГПУ – НКВД СССР и их низовых подразделений на местах – отделов спецпоселений. Репрессированные граждане дополняли социальные слои несвободного советского населения, главной обязанностью которых был ударный труд.

Примечания

¹ Ильин А.С. Гибель краевой элиты 30-х годов / А.С. Ильин // Методический семинар для исследователей, работающих по теме «Политические репрессии в СССР» - Информационный вестник № 6 – 29 октября 2005 г. – С. 24 – 38.; Макаров А.А. Массовые репрессии 1934-1938 годов в Красноярском крае: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02 / Макаров А.А. – Красноярск, 2007. – 23 с.

² Корсакова О.В. Крестьяне-спецпереселенцы в Сибири в 1930-е гг. (на материалах Красноярского края): Автореф. дис. ... канд. ист. наук 07.00.02 / Корсакова О.В. – Красноярск, 2001 – 22 с.

³ Славина Л.Н. Социально-демографические последствия депортации (на примере Красноярского края) / Л.Н. Славина // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. - № 2. – С.34 – 39 и др.

⁴ www.memorial.krsk.ru

⁵ Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края: Кн. 1 – 4 – Красноярск, 2004 – 2007.

⁶ Фукс В.Г. Роковые дороги поволжских немцев. 1763–1995 гг./В.Г. Фукс – Красноярск, 1995. – 220 с.; Ряннель Т.В. Незванный гость. Художник о себе и своем времени/ Т.В. Ряннель – Красноярск, 1998. – 751 с.; Майер Р.А. Судьба российского немца: семейная хроника. Ч. 1/Р.А. Майер– Красноярск, 2000. – 356 с.

⁷ Стройка № 503 (1947 – 1953 гг.). Документы. Материалы. Исследования. Выпуск 1. – Красноярск, 2000 г. – 208 с.; Свеча памяти. Таймыр в годы репрессий. Воспоминания. – Дудинка, 2006. – 104 с. и др.

⁸ Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993. – С. 194.

⁹ Гуцин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири. 1928 – 1933 гг.: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия / Н.Я. Гуцин // Гуманитарные науки в Сибири – 1996 - № 2 – С.31.

¹⁰ В материалах ХУ съезда партии было зафиксировано увеличение налогообложения «кулаков», ограничения для них землепользования, прав аренды и найма раб. силы.

¹¹ Гуцин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири ... С. 32.

¹² Мезит Л.Э. История Красноярского края (1917 – 1940 гг.): Учебное пособие. – Красноярск, 2002 – С. 78.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С.79.

¹⁵ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930 – 1960 / В.Н. Земсков – М., 2003. – С. 16.

¹⁶ Корсакова О. В. Крестьяне-спецпереселенцы в Сибири (на материалах Красноярского края): Дис. ... канд. ист. наук. 00.07.02. – Красноярск, 2001. - С. 58 – 73.

¹⁷ Гуцин Н.Я. «Раскулачивание в Сибири ...» С. 32.

¹⁸ Корсакова О.В. Крестьяне-спецпереселенцы в Сибири в 1930-е гг. (на материалах Красноярского края): Автореф. ... С. 12.

¹⁹ Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы / С.А. Красильников – М., 2003 – С. 30.

²⁰ Там же. С. 34.

- ²¹ Шекшеев А.П. Крестьянское повстанчество на Енисее. 1918 - 1932 гг. // А. П. Шекшеев – Вопросы истории – 2006 - № 2 - С. 110.
- ²² Корсакова О.В. Крестьяне-спецпереселенцы в Сибири в 1930-е гг. (на материалах Красноярского края): Автореф. ... С. 12.
- ²³ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР ... С. 33.
- ²⁴ Красильников С.А. Серп и Молох. ... С. 117 – 118.
- ²⁵ Корсакова О.В. Крестьяне-спецпереселенцы в Сибири в 1930-е гг. ... С. 15.
- ²⁶ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР ... С. 146.
- ²⁷ Красильников С.А. Серп и Молох. ... С. 8 – 9.
- ²⁸ Макаров А.А. Массовые репрессии 1934-1938 годов в Красноярском крае: Автореф ... С. 15.
- ²⁹ Макаров А.А. Массовые репрессии 1934 – 1938 гг. в Красноярском крае: Дис. канд. ист. наук 07.00.02. – Красноярск, 2007. – С. 57 – 58.
- ³⁰ Там же. С. 96.
- ³¹ Там же. С. 93 – 94.
- ³² Там же, с. 16.
- ³³ Зберовская Е.Л. Спецпереселенцы в Красноярском крае (1940 – 1950-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. – Красноярск, 2006 – С. 38 – 39.
- ³⁴ Там же. С. 42 – 43.
- ³⁵ Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение 1943 – 1957 гг./ В.Б. Убушаев – Элиста, 1991. – С. 57.
- ³⁶ Зберовская Е.Л. Спецпереселенцы в Красноярском крае ... С. 246.
- ³⁷ Там же. С. 247.
- ³⁸ Архивное Агентство Красноярского края, ф. 26, оп. 3, д. 463, л. 107.
- ³⁹ ОСФиР ИЦ ГУВД КК, Сводная таблица о дислокации расселения спецпоселенцев, ссыльных и высланных в Красноярском крае на 1 января 1952 г.

Таблица 1. Выселение кулацких хозяйств 2-й категории в Сибкрае на конец апреля 1930 г.*

№ п/п	Наименование округа	Конт. Цифра по выселен. 2-й категории, установленной краем	Фактически выселено					
			Всего семей	% выполнен. контрольной цифры	Из них			
					муж. старше 18 лет	жен. старше 18 лет	детей до 18 лет. Возр.	Всего людей
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Омский	4630	3176	68	3412	3448	4563	11423
2	Славгородский	2916	1097	37	984	1546	3032	5562
3	Барабинский	1532	1371	89	2180	2182	3243	7605
4	Новосибирский	2964	501	17	780	735	825	2340
5	Барнаульский	3291	1617	50	1958	2751	4234	8943
6	Бийский	2727	1899	69	3250	3610	5708	12568
7	Рубцовский	2702	1667	61	2477	2551	5539	10467
8	Томский	1022	255	22	291	262	431	984
9	Кузнецкий	725	632	87	857	794	1089	2740
10	Ачинский	848	447	52	780	832	2309	3921
11	Минусинский	703	679	96	969	1003	1492	3464
12	Хакасский	354	354	100	548	555	858	1961
13	Красноярский	857	426	50	566	702	899	2167
14	Канский	1218	858	70	683	990	1901	3574
15	Иркутский	1264	298	23	413	330	654	1397
16	Ойротня	309	236	76	296	347	544	1187
17	Каменский	1938	512	26	821	843	955	2619
	Итого	30000	16025	53,4	21265	23381	38276	82922

Начальник учетно-осведомительного отдела ПП ОГПУ
Лукекин

* Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / Сост. С.А. Красильников и др. – Новосибирск, 1992. – С.121 - 122.

Таблица 2. Динамика численности крестьян – спецпереселенцев в Красноярском крае с 1930 по 1939 гг.*

Дата	Численность	
	человек	семей
1931 г.	Н.св.	29856
1 июля 1938 г.	58863	Н.св.
1 января 1939 г.	53644	14472
1 января 1940 г.	55014	14346

* Корсакова О.В. Крестьяне – спецпереселенцы в Сибири (на материалах Красноярского края): Дис.... канд. ист. наук. ... С. 46.

Таблица 3. Расположение спецпоселков осадников в Красноярском крае (на 1. 01. 1941 г.)*

Районы	Название спецпоселков	В них осадников	
		семей	человек
1	2	3	4
Удере́йский	Ильинский	94	443
	Аяхта	48	216
	Южная Кадра	57	261
	Еруда	48	252
	Вангаш	46	231
	Кировский	115	431
Енисейский	Енисейский лесозавод	83	399
	Маклаковский	50	231
Северо-Енисейский	Тея	139	584
	Викторовский	55	262
	Немунь	105	495
Емельяновский	Стеклозавод	56	293
Советский	Береть	31	164
	Приисковый	25	115
	УК	68	309
	Брод	35	186
	Ярльковка	16	74
	Картун	24	115
Казачинский	Пискуновка	59	264
Манский	М–Унгут	44	245
	Пимия	77	364

	Черемушка	139	641
	Муртук	30	125
	Орешины	75	419
Партизанский	Б – Вилистово	73	343
Саянский	В – Мана	40	201
Даурский	Поперечка	182	768
	Тюбиль	140	538
Боградский	11-й квартал	32	124
	В – Туим	48	237
Ширинский	Ударный	32	150
	Тургуял	29	78
	Электростан	28	132
	Шипилинск	17	134
Саралинский	Ивановский	37	187
	Целищево	6	37
	Андреевский	34	185
	Кужня	106	448
Абанский	Почет	65	264
	Тулень	56	229
	Понакачет	66	312
	Борзово	80	331
	Межгранное	66	393
	Чистая Елань	46	217
Тасеевский	Тасеевский	51	281
	Инвалидный и детский дом	–	29
Всего по краю	-	2901	13532

* Составлено по ГАРФ, ф. р-9479, оп. 1, д. 61, л. 42 – 44.

РАЗВИТИЕ ТЕМЫ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ» В КРАСНОЯРСКОМ МУЗЕЙНОМ ЦЕНТРЕ

И.С.Лысенко

научный сотрудник
научно-исследовательского отдела
Красноярского музейного центра

В сложное, «перестроечное» время, Красноярский музейный центр, являясь Филиалом Центрального музея Ленина, один из первых в стране поднял тему «Политические репрессии в СССР». Она сразу же приобрела статус научно-исследовательского направления.

За прошедшие 20 лет музей стал одним из центров, объединяющих исследователей сибирского региона, которые работают над темой «Политические репрессии». Можно выделить несколько этапов развития в музее этой темы.

Первый этап начался в конце 1980-х гг. и продолжился в течение 1990-х гг.

В 1989 году, тема репрессий в музее была представлена впервые. Сначала лекцию на тему «Репрессированные комсомольцы – жертвы сталинизма», представил В.Г. Фетисов. Затем появилась экспозиция «Зажги свечу». К концу 1980-х г. история репрессий не являлась предметом широкого экспонирования в советских музеях, поэтому «Зажги свечу» имела скромную художественную концепцию.

Первые выставки формировались небольшими по информационному объему и без дизайнерских новаций. Они состояли из фотографий и копий документов, размещенных на планшетах или свободно определенных на стенах экспозиционных пространств.

Автором, исполнителем и экскурсоводом первых выставок был В.Г.Сиротинин – старший научный сотрудник музея, один из основателей Красноярского историко-образовательного и правозащитного общества «Мемориал», и в последствии его председатель. Благодаря этому обстоятельству у Красноярского музейного центра установились тесные партнёрские отношения с организацией. В разные годы совместно с обществом «Мемориал» музей организовал несколько экспедиций по местам репрессий (г.Игарка, г.Норильск, п.Ревучий и др.). Формировалась база дан-

ных по персоналиям репрессированных. Их вещи и фотографии, становились важными объектами в предметном ряду музейных экспозиций. Результатом активного сотрудничества стало несколько передвижных выставок. Они размещались в библиотеках, в актовом зале краевого Дома учителя, на рейсовых теплоходах, в других общественных местах г. Красноярска и Красноярского края.

Однако все выставки отличались скромным художественным решением, поскольку главным в них было не создание художественного образа, а актуализация темы в общественном сознании.

Начало второго этапа развития темы относится к началу 2000-х годов. Его основным содержанием стала разработка проекта «Память сердца». Проект включал в себя открытие выставок, проведение концертов и акции «Зажги свечу» (спуск венков с зажженными свечами в воды Енисея) в память о соотечественниках, ставших по воле судьбы жертвами в периоды массовых политических репрессий в СССР. В этой акции традиционно принимает участие Красноярское управление речного пароходства, выделяя для этих целей самоходный катер. Обязательная часть проекта – возложение цветов к закладному камню будущего памятника людям, причисленных к жертвам политических репрессий, установленного в 2002 г. на территории возле музея.

К настоящему времени проект прошёл период становления и получил широкую известность за пределами Красноярского края. За время своего существования проект стал неотъемлемой частью культурной жизни края.

Третий этап развития темы начинается с 2004 года. Красноярский музейный центр продолжает работу над экспозиционным решением темы политические репрессии, проводит ежегодно акцию «Зажги свечу». Однако теперь главным является формирование научного подхода к теме и оформление методологической базы музеефикации темы. Музей ежегодно проводится краевые чтения, семинары, круглые столы и конференции.

При организации семинаров, круглых столов, конференций можно участие не только самих репрессированных или свидетелей той эпохи, но и специалистов в данной научной области, что позволяет выйти за рамки воспоминаний о боли и страдания и беспристрастно проанализировать события. В качестве эксперта к участию в круглых столах был приглашен специалист международного уровня из Швеции Винош Софка. Материалы конферен-

ций на русском и иностранных языках публикуются в ежегодном музейном Информационном вестнике. Уже вышло 9 выпусков таких Вестников.

В последние годы в представление темы добавляются новые музейные формы, к которым, например, относится музейный урок. В 2007 году музейный урок был подготовлен по выставке «503 стройка». В музее он существует и сейчас, поскольку модель урока позволяет его проводить без самой выставки.

Примером того, что тема репрессий в своём изучении выходит на новый уровень и связывается с более поздними политическими процессами, является выставка «Братислава. 1968 год» (2008 г.) и проведение круглого стола по Пражским событиям. Свообразие ему придало присутствие двух очевидцев-участников Пражской весны.

Методическое направление в разработке темы проявилось в подготовке и проведении краевого семинара-тренинга «Проблемы музейного проектирования. На примере темы «Политические репрессии», который проходил в п. Новобирилюсы Бирилюсского района Красноярского края в 2009 году. Семинар выявил отсутствие научного и методологического подхода к теме в музеях края и актуализировал необходимость научного обобщения существующего музейного фонда и музеефикация темы.

На всех этапах становления темы репрессий как предмета экспонирования, исследования и методических разработок, музей развивал партнёрские отношения с государственными и негосударственными институтами, касающимися в своей деятельности темы исследования.

Сначала главным партнёром выступало только общество «Мемориал». В дальнейшем круг партнёров стал значительно расширяться. Появилась межрегиональная музейная сеть. В качестве партнёров музея в настоящее время выступают музеи Сахарова и «Пермь - 36». Расширяются контакты между музеями Красноярского края, в том числе с ведомственным музеем Государственного управления исполнения наказания Красноярского края, музеем Красноярского аграрного государственного университета, народным музеем милиции Красноярского края. Налаживается сотрудничество с международными организациями. В 2006 году Красноярский музейный центр вступил в Международную организацию «Коалиция мемориальных музеев Совести», которая к настоящему времени является одним из главных партнёров музея. В соответ-

ствии с тем, как развивается научный подход к теме, у музея существуют многолетние отношения с историческим факультетом Красноярского государственного педагогического университета им. В.П.Астафьева.

Сотрудники музея считают что, в настоящее время тема репрессий актуальна не только из-за стремления сохранить в памяти отрицательные исторические примеры. Она актуальна в связи с поступательным движением России по пути формирования гражданского общества.

Темы репрессий и гражданского общества объединяет важнейшая проблема – права человека. В этом, на наш взгляд, и состоит трансформация идейного подхода к изучению репрессий. Например об этом говорил, на семинаре, в 2005 году, В.С. Веденков, руководитель правозащитного Информационного центра, член «Хельсинской группы», выступая с докладом «Современные проблемы прав человека».

Несмотря на выраженный социально-политический контекст тема стала предметом ежегодного музейного внимания, которое имеет различные формы (экспозиция, круглый стол, семинар, конференция, издательские проекты). Музейная институционализация репрессий основана на представлении о том, что музей работает с внутренними состояниями человека.

Сегодня для Красноярского музейного центра тема репрессий – своего рода проявление преемственности между разными состояниями музея, которые он переживал на фоне меняющихся политических систем. Перестав быть музеем политической истории СССР, «новый музей» продолжает транслировать и изучать феномены политической жизни, но уже в современной России.

Многолетний опыт позволил музею выработать основные формы, которые свидетельствуют о сложившейся системе работы и создании музейной методологии в представлении темы «Политические репрессии». Система включает в себя три основных формы работы: создание экспозиции, проведение круглых столов, конференций, чтений и издание материалов.

Материалы выставок и конференций содержат очень много биографических фактов из жизни наших соотечественников, которые с честью выдержали нелепые обвинения, гонения, испытания лагерями и тюрьмами и не потеряли человеческое достоинство. Священнослужители, прошедшие лагеря ГУЛАГа, в своих воспоминаниях описывают, как находили в себе силы выдержать

эти испытания и помогали окружающим их людям, духовно и душевно поддерживая их.

История репрессий привлекает на протяжении двадцати лет внимание тысяч людей. Для многих это личная история, память о которой бережно хранит музей.

Проекты, созданные Красноярским музейным центром (1989-2008 гг.)

«Зажги свечу» (1989 г.)

Первая публичная выставка в филиале Центрального музея В.И. Ленина Красноярского общества «Мемориал» и Государственного партийного архива Красноярского края. Использовались подлинные фотографии и документы из частных и государственных архивов.

«Рейсы Памяти» (1989 – 1990 гг.)

Это небольшие передвижные выставки на планшетах с использованием теплоходов по маршруту г. Красноярск – г. Дудинка.

Автор и куратор – В.Г. Сиротинин.

«Норильлаг, Краслаг, Стройка «503» (1993 г.)

Выставка рассказывает о, так называемой, «Мертвой дороге». Множество экспонатов были собраны Сиротининым В.Г. на местах бывших спецлагерей ГУЛАГа.

«Жизнь на Енисее» (1994 г.)

Содержала материалы по Норильлагу и Енисейскому ГУЛАГу. Дизайнер – В.В. Сачивко.

«Права человека» (1994 г.)

Автор и куратор – В.Г. Сиротинин

«ГУЛАГ – фронту» (1995 г.)

Приурочена к 50-й годовщине Победы над фашистской Германией. Материалы выставки рассказывают о «вкладе» репрессированных в Великую Победу.

Дизайнер – С.Л. Ковалевский.

«Депортация» (1995 г.)

Рассказывала о жизни депортированных немцев, в Красноярском крае в частности о случаях отправки с лесопова-

лов бревен, на торцах которых, были написаны фамилии заключенных с надеждой, что кто-нибудь передаст информацию о них родственникам.

Дизайнер – С.Л. Ковалевский

«501-я стройка» (1995 г.)

Выставка призер 1-й Красноярской Музейной Биеннале. проект выполнен Окружным Ямало–Ненецким историко-краеведческим музеем г. Салехарда. Рассказывает о жизни и работе заключенных на строительстве железнодорожного пути: Чум – Лабытнанги – Салехард – Надым – Игарка (1949–1953 г.г.). По всей трассе, протяженностью 1263 км., с интервалом 40 км. располагались мужские и женские лагеря. Списочный состав лагерей за месяц обновлялся на 70%. Выставка содержала разнообразные предметы быта и труда заключенных

Выставка, посвященная 75-летию академика

А.Д. Сахарова (1996 г.)

Основу выставки составили материалы «самиздата», авторские работы академика Сахарова А.Д и книги о его научной и общественной деятельности.

«Репрессированные деятели искусств Красноярского края» (1997 г.)

Рассказывала о судьбах Яворского, Оболенского, Петрова, Черкасова и др.

Дизайнер – Пётр Белов (Москва).

Автор и куратор – В.Г. Сиротинин

«Роковые дороги» (1998 г.)

Посвящена немецким труд-армейцам.

Автор и куратор – В.Г. Сиротинин

«Имярек» (1998 г.)

Автор проекта – Владивостокская картинная галерея.

Дизайнер – Е. Кондыба.

«Висла – Енисей: 400» (1999 г.)

Участница и призер III Красноярской Музейной Биеннале. В материалах выставки представлена тема репрессированных поляков. После окончания Биеннале была передана в Центр передвижных выставок Красноярского музейного центра. Экспонировалась в г. Кракове (Польша).

«Норильлаг – 65» (2000 г.)

При создании проекта использовались материалы научно-исследовательской экспедиции по местам бывших лагерей, располагавшихся по берегам Енисея от Красноярска до Дудинки и Норильска. Основной экспозиционной концепцией этой выставки, расположенной в центре Красных залов, были составленные лабиринтами деревянные колеса большого размера красного цвета, внутри и снаружи которых располагались документы, фотографии и экспонаты, привезенные из северной экспедиции. Посетители могли свободно в них перемещаться и переходить из одного колеса в другое, рассматривать экспонаты и знакомиться с документами.

Дизайнер – О. Иванов.

Кураторы – В.Н. Потылицина, Г.А. Приходова, В.Г. Сиротинин

«Расстрелянная вера» (2001 г.)

Выставка посвящена репрессиям в СССР, направленным против священнослужителей и верующих Русской православной церкви. Рядом с экспозицией были представлены документы архивного агентства Красноярского края, подтверждающие гонения, организованные государственным аппаратом на Русскую Православную Церковь и отдельных верующих граждан. Красноярская епархия РПЦ предоставила богослужебную литературу, некогда реквизированную у священников, и в последствии возвращенную епархии Управлением ФСБ по Красноярскому краю. Архитектурные мастерские Красноярска сделали макеты разрушенных и новых храмов Красноярского края. Красноярский краевой краеведческий музей и музей В.И. Сурикова предоставили старинные иконы, кресты, облачения священнослужителей и богослужебные предметы. На выставке также демонстрировался художественно-документальный фильм режиссера Ирины Зайцевой с комментариями протоиерея Геннадия Фаста о подробностях гибели священника Димитрия Неровецкого из Абана в 1919 г.

Дизайнер – В.Г. Марьясов

Кураторы – В.Н. Потылицина, Г.А. Приходова, В.Г. Сиротинин

«Колымский тракт» (2002 г.)

Выставка включает в себя предметы и фотоснимки привезены Сиротининым В.Г. и Бабием А.А. из экспедиции по Магаданской области. Она стала участницей Пятой музейной Биеннале.

Авторы – В.Г. Сиротинин, А.А. Бабий

Куратор – В.Г. Сиротинин

«Репрессированная муза» (2002 г.)

Представлены лагерные рисунки художника Бориса Свешникова.

Кураторы – Г.А. Приходова, В.Г. Сиротинин

«Летучий голландец» (2002 г.)

Экспозиция рассказывает о работниках Енисейского речного пароходства, подвергшихся неправомерным репрессиям в 30-х годах. Выставка основанна на экспонатах и фотоматериалах, привезенных Сиротининым и членами Красноярского «Мемориала» из очередной экспедиции. Она стала призером V Красноярской Музейной Биеннале в 2003 г.

Авторы – В.Г. Сиротинин

Куратор – Г.А. Приходова

«Чёрный ворон...ок 30» (2003 г.)

Посвящена казачеству на берегах Енисея. Одна из экспозиций выставки была оформлена в этническом стиле с использованием хозяйственной утвари и старинной одежды казаков в т.ч. настоящих бурок и папах. Предметы быта, одежду, книги, картины предоставил Енисейский краеведческий музей. Красноярское казачество любезно предоставило современную форменную одежду, книги, оружие, бронзовый бюст генерала-атамана, героя Великой отечественной войны 1812 г. А. Платова, гнавшего французов до Парижа. Казачья гимназия предоставила деревянные макеты Красноярского острога, старинного казачьего двора с хозяйственными постройками.

Авторы, кураторы – Г.А. Приходова, В.Г. Сиротинин,

Н.И. Жданова

«Нелидовка» (2004 г.)

О Красноярских репрессированных столбистах по материалам Красноярского историко-просветительного и правозащитного общества «Мемориал».

Дизайнер – В.Г. Марьясов

Куратор – В.Н. Бондарева

«Арифметика вымысла» (2004 г.)

Выставка о знаменитом сфальсифицированном «Деле геологов». Она готовилась совместно с Управлением геологии Красноярского края.

Авторы – Е. Совлук, В. Совлук

Куратор – В.Н. Бондарева

«Живопись Вагнера» (2004 г.)

Картины репрессированного немецкого художника из п. Мотыгино Красноярского края.

Куратор – В.Н. Потылицина

«Вознесённые верой» (2004 г.)

Это передвижная выставка о репрессированных священнослужителях и миссионерской деятельности Красноярской епархии РПЦ. Передвижная выставка «Вознесённые верой» была представлена на Глинских чтениях, проходивших под патронажем Московской духовной академии в Храме Христа Спасителя.

Дизайнеры – В.Г. Марьясов, Е.Н. Марьясова

Кураторы – Г.А. Приходова, Н.И. Жданова

«Отретушированная история» (2005 г.)

Выставка подготовлена на материалах одноимённого фотоальбома Дэвида Кинга. Она показывает механизм, с помощью которого искусство фотографии использовалось для того, чтобы прокладывать дорогу к неограниченной власти и уничтожать память о жертвах политических репрессий. С групповых снимков «удалялись» те, кто пострадал в ходе политических чисток, а фотографии, запечатлевшие массовые сцены, подправлялись так, чтобы создать иллюзию восторженного приветствия Сталина

Дизайнер – В.Г. Марьясов

Авторы – А.А. Бабий, В.Н. Бондарева

Куратор – В.Н. Бондарева

«Потерянное наследие» (2006 г.)

Выставка содержит материалы по теме «Репрессированная красноярская интеллигенция» и посвящена репрессированным ученым, врачам, учителям, писателям, музыкантам, скульпторам и т.д. Выставка создана на материалах Красноярского общества «Мемориал».

Дизайнер – В.Г. Марьясов

Куратор – В.Н. Бондарева

«Политическое правосудие» и политзаключенные современной России» (2006 г.)

Выставка предоставлена Центром Сахарова в Москве. Одним из её персонажей стал физик Данилов. В подготовке выставки принимали участие: Музей имени Андрея Сахарова, Фонд Андрея Сахарова, Московская Хельсинская Группа, Комитет «Гражданское содействие», Институт Прав Человека, Общероссийское Общественное Движение «За права человека», Общественный комитет защиты ученых, Правозащитный центр «Мемориал».

Создана при финансовой поддержке Фонда Андрея Сахарова (США), Комитета «Гражданское содействие» и Московской Хельсинской Группы.

«Под знаком ОСТ» (2006 г.)

Выставка рассказывает о малолетних узниках фашистских концлагерей времен Второй мировой войны. Материалы выставки использовались для проведения музейных уроков с участием бывших малолетних узников фашистских лагерей (профессор Красноярской медицинской академии Осипова Полина Карповна, председатель общественной организации малолетних узников фашистских лагерей, доктор медицинских наук, профессор Мажаров Владимир Федорович, профессор Института физики, Спиоров Владислав Викторович).

Выставка предоставлена Германским фондом «Память. Ответственность и будущее», центром А.Д. Сахарова и Международной организацией «Мемориал».

«Тонкая грань» (2007 г.)

Основу выставки составили материалы краевых и центральных газет 1937 г. После окончания своей работы, она передана в центр передвижных выставок Красноярского музейного центра. На выставке были представлены подлинные газеты 1937 г., предоставленные председателем Красноярского Мемориала Бабием А.А. и позднее переданными в ККИМК.

Дизайнер – В.Г. Марьясов

Куратор – В.Н. Бондарева, Н.И. Жданова

«503 стройка» (2007 г.)

Фото и видео-выставка рассказывает о строительстве сталинской железной дороги Салехард-Игарка («Мертвая дорога») и современном состоянии «Великой» стройки. Проект «503 стройка»

создан усилиями музейного центра, телекомпании «Афонтово», Игарского «Музея вечной мерзлоты» и общества «Мемориал». Выставка включает в себя фильм «Мертвая дорога», снятый Красноярским кинодокументалистом А.Гришаковым. Основу предметного ряда проекта составили экспонаты Игарского музея вечной мерзлоты.

Дизайнер – В.Г. Марьясов

Куратор – И.С. Лысенко

«Россия – Харбин – СССР» (2007 г.)

Это первая в истории г. Красноярска небольшая выставка документов, фотографий, книг о судьбах наших соотечественников, возвратившихся из китайского Харбина на свою историческую родину. Материалы были предоставлены бывшими харбинцами и их потомками. Уникальность этой темы в ее малоизученности и закрытости для широкой публики.

Редкие материалы из своих архивов и книги предоставил для выставки Сергей Васильевич Пятунин, прекрасный, умный, интеллигентный, добрый человек, был объединяющим ядром красноярских харбинцев.

Автор, куратор – Н.И. Жданова

«Август 1968. Братислава» (2008 г.)

Автор фоторабот – Ладислав Биелик. Являясь очевидцем событий в Братиславе, он запечатлел на снимках боевую технику, лица военных и мирных жителей города. Выставка «Август 1968. Братислава» представляет собой мнение очевидца событий. Являясь передвижной, выставка побывала во многих городах России.

Дизайнер – В.Г. Марьясов.

Куратор – И.С. Лысенко

О МЕЖДУНАРОДНОЙ КОАЛИЦИИ МЕМОРИАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ СОВЕСТИ

В.Н. Бондарева

заместитель директора по науке
Красноярского музейного центра

Международная Коалиция мемориальных музеев Совести – это мировая сеть «Музеев совести», исторических мест, которые поддерживают нашу память об оставшихся в прошлом битвах за справедливость и представляют нам их современное наследие.

В 1999 году Музей «Шестой район» (Южная Африка); Музей ГУЛАГа (Россия); Музей Освободительной войны (Бангладеш); Многоквартирный дом-музей в Нижнем Ист-Сайде (США); Дом рабов (Сенегал); Музей «Открытая память» (Аргентина); Мемориал в Терезине (Чехия) и Работный дом (Великобритания) основали Коалицию, сделав следующее заявление: исторические места должны помогать людям устанавливать связь между историей наших мест и их современным значением.

Первоочередной функцией коалиции является стимулирование диалога, направленного на решение острых социальных проблем и распространение гуманитарных и демократических ценностей.

В 2006 г. членом коалиции стал Красноярский музейный центр.

Сегодня в состав Коалиции входят 17 аккредитованных музеев совести и более 100 лиц и учреждений со всего мира.

Музеями совести являются музеи, которые:

- связывают современные проблемы с историческими событиями, произошедшими в определенном месте;
- принимают участие в программах, которые стимулируют диалог, направленный на решение острых социальных проблем;
- считают распространение гуманитарных и демократических ценностей своей первоочередной функцией;
- используют различные возможности по привлечению общественного внимания к проблемам, которые затрагиваются в данном историческом месте.

Музеи совести могут рассказывать о случаях массовой жестокости или о каждодневной борьбе отдельных людей. Они могут заниматься охраной культурных или природных богатств. Каждый музей совести по-своему ищет новые пути для

построения прочной культуры прав человека и демократии. Стимулируя новые дискуссии на тему современных проблем, обозреваемых через призму исторических событий, места памяти могут стать новыми центрами действующей демократии. Но сила исторических мест не является их неотъемлемой частью; ее необходимо использовать в качестве самостоятельной тактики для защиты прав человека и развития гражданской активности. Музеи совести играют в этом важную роль.

Музеи устанавливают очевидные связи между прошлым и настоящим; открывают диалог между заинтересованными сторонами; и организуют встречи для участия граждан в прочих акциях, посвященных правам человека и борьбе за справедливость.

Коалиция предоставляет входящим в ее состав учреждениям прямое финансирование общественных программ; организует различные программы обмена опытом: от индивидуального сотрудничества до международных конференций; и занимается стратегической защитой учреждений и общественного движения музеев совести.

Коалиция предоставляет финансовую и техническую помощь музеям совести при организации программ, которые служат для установления общественного диалога, направленного на обсуждение острых социальных проблем.

Члены Коалиции создают местные сети музеев совести, которые сотрудничают для решения общих проблем современности. В настоящий момент у нас существуют следующие Региональные сети:

- Музеи совести Азии: Укрепление культуры мира и плюрализма после этнического и религиозного конфликта
- Музеи совести Африки: Использование истории гражданских действий для развития пост-колониальной и пост-конфликтной демократии
- Музеи совести России: Построение культуры, направленной на борьбу с тоталитаризмом
- Музеи совести Южной Америки: Организация дебатов, основанных на событиях недавнего прошлого.

Музеи исторических мест, правозащитные организации, ученые, студенты разрабатывают стратегию для деятельности музеев совести и исследуют теоретическое значение этой работы. Программы обмена опытом включают в себя как индивидуальное сотрудничество, так и крупные международные конференции.

Коалиция предлагает программы профессионального развития и обучения для музейных работников, индивидуально разработанные для каждого учреждения. Программы включают в себя такие задачи, как проведение эффективного диалога по острым проблемам, организация прочного и продуктивного сотрудничества между различными сообществами, разработка выставок, помогающих посетителям самостоятельно провести параллель между прошлым и настоящим, оценка гражданской заинтересованности и другие задачи.

Члены, представленные физическими лицами и учреждениями, обеспечивают Коалицию важной поддержкой, предоставляя нам услуги и ресурсы для исторических мест во всем мире.

Часть II
Музейный семинар

ПРОГРАММА КРАЕВОГО СЕМИНАРА-ТРЕНИНГА
«ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЙНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ.
НА ПРИМЕРЕ ТЕМЫ
«ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ»
(1930-50-Е ГГ. XX В.)

Организаторы – Красноярский музейный центр

Руководитель проекта – В.Н.Бондарева

Партнёры – Международная Коалиция мемориальных музеев свободы Совесть, Пермский музейный мемориал «Пермь-36»

Форма проведения – семинар с элементами тренинга

Время проведения – 13 – 15 апреля 2009 г.

Место проведения – п.Новобирилюсы, Бирилюсского района Красноярского края

Модераторы – Бондарева В.Н., зам. директора по науке ККИМК, Лысенко И.С.научный сотрудник научно-исследовательского отдела ККИМК

Научный консультант – Е.Л.Зберовская, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета КГПУ им. В.П.Астафьева

Объект – тема «политические репрессии на территории Красноярского края»

Предмет – интерпретация темы в музейных практиках

Цели:

- создание проектной группы;
- выработка модели проекта к музейному Саммиту (30 октября 2009 г.) на базе Красноярского музейного центра

Задачи:

- создание творческих групп;
- выявление потенциала в области музейного предмета;
- выявление потребностей музеев в вопросах экспонирования темы;
- создание условий для межмузейной коммуникации.

14 апреля

14.00

Введение

14.00 – представление семинара (объявление темы, цели, задач, озвучивание плана работы)

14.10

Знакомство

14.10 – участники располагаются в форме круга и сидят на стульях. Каждый по кругу представляет себя (кто он и откуда).

14.30

Погружение в тему

14.30 – лекция «Политические репрессии в СССР в 1930-50-е гг. предмет исследования в современной исторической науке» / Е.Л.Зберовская

15.30 – представление деятельности Красноярского музейного центра в работе над темой «политические репрессии» в исторической ретроспективе с использованием слайд-шоу;

15.40 – презентация ярких проектов, реализуемых музеем в этом направлении с использованием слайд-шоу (Красной нитью..., «Генеалогия репрессий», «Нелидовка» и др.);

15.50 – представление проекта «Музейный саммит» и главного партнёра в проведении музейного саммита Коалиции музеев сознания.

16.00-16.15 – кофе-пауза

16.20

Самопрезентация

Короткое представление работы музея-участника над темой «политические репрессии»

(регламент презентации-5 мин.)

17.00

Работа в группах

Задание для работы в группах – создание общих проектов для вошедших в микрогруппу представителей музеев.

Памятка – задание: название проекта, концепция, предметный ряд, используемые материалы, бюджет, степень участия музея в проекте.

Данный этап семинара предполагает активное консультирование с сотрудниками Красноярского музейного центра и научным консультантом к.и.н. Е.Л.Зберовской.

18.30 – завершение первой части семинара

19.00 – ужин

20.00 – 22.00 – самостоятельная работа в группах в гостинице
В первый день работы семинара всем участникам предлагается отрефлексировать своё состояние в особую тетрадь.

15 апреля

9.00

Презентация проектов

Используя ватман, маркеры и т.п., каждая группа представляет свой проект. Регламент презентации – 15 мин.

10.00

Выбор стратегии проекта к музейному Саммиту. Выбор формы проектирования и проекта

10.00 – обсуждение представленных проектов (насколько каждый проект реально осуществить);

10.30 – коллегиальное принятие стратегии проекта (реализация представленных проектов или выбор одного проекта из всех представленных, в котором будут принимать участие все музей-участники семинара).

11.30

Подведение итогов, выдача сертификатов

12.00

Формирование группы в летнюю школу музеологии на базе Музея «Пермь-36»

В завершении семинара участники получают информационный пакет и сертификат.

12.30 – окончание работы семинара

12.30-13.30 – обед

14.00 – отъезд участников семинара

Список участников краевого семинара-тренинга

ФИО	территория	Место работы	Должность
Фетисов Владимир Георгиевич	Красноярск	Министерство культуры администрации Красноярского края	Гл. спец. по музеям
Бондарева Валентина Николаевна	Красноярск	Красноярский музейный центр	Зам.директора по науке
Лысенко Ирина Сергеевна	Красноярск	Красноярский музейный центр	Научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Широкова Татьяна Александровна	Красноярск	Красноярский музейный центр	Гл. хранитель
Жданова Наталья Ивановна	Красноярск	Красноярский музейный центр	Науч. сотрудник
Карноухова Любовь Леонидовна	Красноярск	Красноярский краевой краеведческий музей	Зам. директора
Михайлова Любовь Григорьевна	Красноярск	Красноярский краевой краеведческий музей	Зав. Отделом
Шестаков Игорь Алексеевич	Красноярск	Краевой Научно-Учебный Центр	Методист
Строганова Елена Юрьевна	Красноярск	Музей-усадьба В.И. Сурикова	Директор

Зберовская Елена Леонидовна	Красноярск	Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева	к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории
Бабий Алексей Андреевич	Красноярск	Красноярское общество «Мемориал»	Председатель
Чавдарь Татьяна Владимировна	Дивногорск	Дивногорский художественный музей	Директор
Фёдоров Игорь Геннадьевич	Дивногорск	Дивногорский городской музей	Директор
Мартинсон Светлана Ивановна	Железнодорожск	Музейно-выставочный центр	Зам.директора
Чернявская Лилия Милославовна	Железнодорожск	Музейно-выставочный центр	Зав. Филиалом в п. Подгорный
Климачёв Денис Сергеевич	Железнодорожск	Музейно-выставочный центр	Зав. сектором информации
Шапкун Александр Анатольевич	Зеленогорск	Музейно-выставочный центр	Директор
Казакова Лариса Александровна	Ачинск	Ачинский музейно-выставочный центр	И.о. директора
Неволина Светлана Александровна	Ачинск	Ачинский краеведческий музей имени Каргаполова	Директор
Ермолаева Людмила Николаевна	Минусинск	Минусинский региональный краеведческий музей	Директор

Ключников Тимофей Александрович	Минусинск	Минусинский региональный краеведческий музей	Научный сотрудник
Мокрогузова Татьяна Викторовна	Лесосибирск	Выставочный зал	Директор
Душкин Михаил Сергеевич	Богучаны	Богучанский краеведческий музей им. Д.М.Андона	Директор
Страмоусова Елена Алексеевна	Боготол	Боготольский городской краеведческий музей	Директор
Мельникова Татьяна Михайловна	Назарово	Музейно-выставочный центр	Директор
Игнатьева Татьяна Вячеславовна	Енисейск	Енисейский краеведческий музей	Научный сотрудник
Корнеева Ольга Павловна	Дудинка	Таймырский краеведческий музей	Директор
Бернцкая Тамара Милентьевна	Краснотуранск	Краснотуранский историко-этнографический музей	Директор
Брюханова Галина Григорьевна	Кодинск	Кежемский историко-этнографический музей им. Ю.С.Кулаковой	Директор
Сергиенко Татьяна Юрьевна	Туруханск	Краеведческий музей Туруханского района	Директор
Надеева Лариса Александровна	Заозёрный	Музей истории города Заозёрный	Директор

Соколова Людмила Валентиновна	Бородино	Музей истории города Бородино	Директор
Тайшихина Валентина Дмитриевна	с. Рыбное Рыбинский р-он	Музей истории Рыбинского района	Директор
Лактионова Надежда Александровна	с.Новобирлюсы Бирлюсский р-он	Бирлюсский краеведческий музей	Директор
Борзенко Любовь Николаевна	с.Каратузское Каратузский р-он	Каратузский районный краеведческий музей	Директор
Капина Елена Михайловна	п.Курагино Курагинский р-он	Курагинский районный краеведческий музей	И.о. директора Зав. филиала музей с.Берёзовки
Акулич Любовь Сергеевна	с.Сизая Шушенский р-он	Музей Ивана Ярыгина	Директор
Пичугина Галина Александровна	с.Индриновское Идринский р-он	Идринский районный краеведческий музей им. Н.Ф.Летягина	Директор
Кузнецова Валентина Борисовна	с.Партизанское Партизанский р-он	Партизанский районный краеведческий музей	Директор
Некрасова Ольга Николаевна	с.Сухобузимское Сухобузимский р-он	Сухобузимский районный краеведческий музей	директор
Селютина Ольга Николаевна	п.Больша Мурта Большемуртинский р-он	Большемуртинский краеведческий музей	директор
Кержаев Александр Михайлович	с.Новосёлово Новосёловский р-он	Новосёловский исторический музей	директор

ПАМЯТЬ О РЕПРЕССИЯХ В МУЗЕЯХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

В.Н.Бондарева

заместитель директора по науке
Красноярского музейного центра

И.С.Лысенко

научный сотрудник
научно-исследовательского отдела
Красноярского музейного центра

13-15 апреля в Новобирилюсах (Бирилюсский район Красноярского края) прошёл краевой семинар «Проблемы музейного проектирования. На примере темы «Политические репрессии» (1930-50-е гг. XX в.)

Живя в Сибири и работая много лет в музее, активно общаясь с коллегами из других музеев, проектируя каждый год в Красноярском музейном центре тему «Репрессии в СССР», мы пришли к пониманию, что эта тема, являясь одной из сквозных для любого музея на территории Красноярского края, до сих пор мало изучена и слабо представлена в местных музеях. Объективных, так и субъективных причин достаточно. Так родилась идея проведения выездного семинара на базе Новобирилюсского районного краеведческого музея.

Новобирилюсский музей – типичный муниципальный музей Красноярского края. Он достаточно удален от центра, активно работает с местным сообществом. Несмотря на то, что расположен в непригодном помещении (в жилом доме), имеет хронологически выстроенную экспозицию, рассказывающую историю своего района на фоне истории России.

«Мне безумно повезло! Мне посчастливилось побывать в Новобирилюсах! Встретили нас радушно в Доме культуры. Вживую послушали мужские голоса. А какие песни исполняли художественные коллективы! Спасибо вам бирилюсцы за тёплый приём» / Л.С.Акулич

Сотрудники музея давно и серьезно занимаются вопросами реабилитации репрессированных жителей района. Отметим,

что около 70% местного населения – это потомки бывших репрессированных. По инициативе работников музея установлены два памятных знака.

«Главное для нас, проживающих в районе с трудной экономикой, благодаря семинару в глазах всего населения поднялся престиж районного музея. Возрос до небес!» / Н.А.Лактионова

Проведение семинара представляло собой совмещение двух форм: семинара и тренинга. Семинар-тренинг был направлен на историческое погружение в тему репрессий, на обогащение знаний и расширение кругозора в данной теме.

Основная проблема, вокруг которой выстраивалась работа, это интерпретация темы репрессий в музейных практиках и проблемы её проектирования с последующим экспонированием.

Разрабатывая проект семинара, мы понимали, что готовим его для очень неоднородной аудитории. Ведь участники семинара – сотрудники музеев разного профиля, с разным стажем работы в музее и даже с разным личным отношением к теме. Учитывая эти особенности, мы понимали, что необходимо сформировать в аудитории общее проектное пространство и сделать погружение в тему.

Для исторического погружения в тему была приглашена Е.Л.Зберовская, кандидат исторических наук. Лекция называлась «Политические репрессии в СССР в 1930-50-е гг. Предмет исследования в современной исторической науке».

Работа в группах, по созданию собственного проекта, последовавшая после погружения позволила оформить идеи в виде проекта и, самое главное, овладеть пошаговой методикой претворения в жизнь идеи, пусть даже самой фантастической.

Методологическое погружение ввело аудиторию в особенности музейного проектирования. Участникам была представлена система методов проектирования музейной экспозиции, особенности и новые тенденции, которые необходимо иметь ввиду начиная работу над музейным проектом. Внимание участников семинара было обращено на такие распространённые проблемы, связанные с восприятием музейного продукта, как клиповое сознание и, так называемая, «разруха в головах». Методология музейного проектирования не возможна без постановки цели, задач,

выбора объекта и предмета проектирования, определения проблемной ситуации. Отдельно остановились на проблеме концепции как стержневой основе любого проекта.

Красноярский музейный центр занимается темой политических репрессий с конца 1980-х годов. Приобретённый музеем опыт в работе с данной темой может быть полезен с разных сторон: экспозиционной, исследовательской, методологической, методической. Многолетние наработки музея и позволили сконструировать и провести этот семинар-тренинг.

Семинар-тренинг проводился для директоров музеев края, научных сотрудников музеев и других творческих работников, участвующих в создании проекта (вэб-дизайнеры, художники). Однако в нём принимали участие не только краеведческие музеи, но и музеи узкой специализации – художественный музей г. Дивногорска, музей археологии п. Подгорный и т.д. Ведь репрессии коснулись почти всех районов и городов края.

Если разбить Красноярский край на территориальные зоны (север, юг, запад, восток), то в каждой из них есть музеи, которые в своей деятельности занимаются исследованиями в области политических репрессий.

Все музеи различны по уровню профессионализма сотрудников и их опыту работы в музейной сфере, масштабам и историческим традициям музея. Семинар подразумевал обмен творческими идеями. Мы считаем необходимым поделиться достижениями и провести работу «над ошибками», дабы другие смогли их избежать, выявить способности к проектированию и умение работать в команде.

Поскольку семинар был рассчитан на вскрытие и решение самых трудных моментов в работе с темой, на открытое обсуждение интересующих вопросов, следует остановиться на разного рода проблемах, которые выявил семинар. На них, как нам кажется, следует обратить внимание музейным специалистам и всем, кто занимается исследованиями в области политических репрессий.

Анализируя итоги семинара, мы отметили ряд проблем мировоззренческого характера.

Во время погружения в тему прозвучала реплика о том, что русское эвакуированное население находилось в не менее худших условиях в период Великой Отечественной войны. Мы считаем что в

представлении теме «Политические репрессии» до конца не осознан принцип Нарушения Прав Человека. Очевидно, что трудно измерить страдания отдельного народа в годы войны. И не следует выяснять какой народ пострадал больше. Речь идёт о лишении человека права выбора и свободы. К сожалению до сих пор даже у сотрудников музеев (которые профессионально занимаются сохранением, изучением и представлением истории) не сформированы объективные представления собственной истории места, страны, в которой они живут.

Говоря о мировоззренческих трудностях, стоит отдельно остановиться на проекте «Потерянное наследие» (о репрессированной интеллигенции), представленного участникам семинара в рамках погружения в тему.

Вопросы вызвала концепция проекта, по сути, представляющая новые подходы в экспонировании. На территории экспозиции не находилось ни одного подлинного исторического предмета. Использовались только старые книги и ксерокопии фотографий репрессированной интеллигенции. Идея потерянного наследия доносилась через художественные образы и созданное чувственное пространство, а не конкретные предметы. Реакция людей на провокацию (ступать или не ступать на разложенные по полу книги), заложенную в проекте, стала своего рода нематериальным наследием, которое можно получить и ощутить при помощи этого проекта.

Некоторые участники семинара выразили обеспокоенность по поводу отсутствия музейных предметов в проекте. А самый главный вопрос «что вынесет с выставки посетитель?» говорит о присутствии недопонимания роли художественного решения темы в музейном пространстве и важности создания эмоционального восприятия проекта. Как передать современным детям, молодежи состояние того далекого времени, весь его ужас и трагизм, величие и стойкость духа?

К сожалению традиционное понимание экспозиции является давящим даже во время современного проектирования. Некоторым участникам семинара трудно представить тему репрессии через художественные образы.

При обилии информации, идущей из разных средств массовой информации, не всегда верно делать ставку на насыщение выставки фактами. Проблема традиционного подхода к такой непростой и сложной теме как репрессии опасна превращением её в скучный информационный балласт, который никому не нужен.

К слову сказать, неоднозначно была воспринята положительная оценка роли репрессий для истории страны, которая набирает обороты и активно присутствует в современной литературе. По мнению некоторых исследователей, политические репрессии – необходимый шаг для экономического рывка страны в 1930-е годы, когда нужно было осваивать территории и природные богатства, а в последствии и восстанавливать экономику, разрушенную Великой Отечественной войной.

Проблема непрофессионализма в теме «политические репрессии» так же имела место.

Мы исходим из того, что прямой обязанностью учреждения культуры, является исследование и транслирование истории родного края. Однако некоторые музейные работники полагают, что можно избирательно подходить к истории и самостоятельно определять периоды, темы, как для исследования, так и для экспонирования в своём музее.

Мнение учёного о необходимости осознанного отношения к теме репрессий при её экспонировании и формировании личного отношения у участников семинара так же вызвала неоднозначную реакцию. Сотрудники музеев считают себя достаточно осведомлёнными по этой теме, которая для некоторых музеев и вовсе не представляет интереса. На наш взгляд для краеведческого музея тема репрессий представляет собой один из аспектов региональной истории. На самом деле, обнажилась проблема личной ответственности музейщика за то, что он предлагает в экспозиции посетителю. Следует помнить, что музей – не место, где можно продвигать личные взгляды. Разместить картинки на стене, подобранные по определённой тематике, не составляет труда. Главное – что несёт в сознание посетителя выставка? Какие вопросы она ставит перед человеком, пришедшим в музей? Музейщик (если он выбрал для себя эту стезю) таким образом, должен работать не только с историческим материалом, но в первую очередь, с самим собой, вести внутренний диалог, а это самое трудное. Продвигать не собственные убеждения, а объективные и достоверные факты, способствующие формированию личной позиции у посетителя на то или иное событие, явление, не пытаться навязать свое мнение.

«Продвижение проектной деятельности в музеях началось в нашем крае в 1990-е годы. Этот семинар показывает, что эти технологии уже стали частью музейной жизни. Участники семинара разработали актуаль-

ные проекты, которые можно реализовывать в своих музеях. Тема проектов относится к острой, так называемой «негативной истории». Реализация проектов будет содействовать формированию толерантного, гражданского общества» / Л.Л.Карноухова

Работа в группах выявила некоторые проблемы методологического характера, присутствующие в музейной работе.

Во-первых, некоторые сотрудники музеев испытывают затруднения в постановке задач, целей и выявлении проблемы, что имеет существенное значение в разработке концепции музейного проекта. В противном случае проект будет рассказывать, что называется, «обо всём и ни о чём» и в идеологическом плане он «рассыпется». Следование методологическим принципам позволяет объединить порой разнородные музейные предметы в целостный образ, который предстаёт перед посетителем.

Во-вторых, работа в группах ярко продемонстрировала проблему недостаточности общения музейщиков между собой. Контакты налажены только между музеями соседних районов. А порой и такого не наблюдается. Сотрудники крайне мало знают об опыте коллег из других музеев края.

«Проектной деятельности сколько не учишь, всё равно мало. Хотя я бы отметила, что работать в таких импровизированных группах не всегда полезно. Уровни музеев разные. Хорошо если рядом более сильный музейщик, поработаешь с пользой. А если – нет, то работать не интересно. А вообще-то большое спасибо!» / Т.М. Берняцкая

В-третьих, семинар выявил дефицит методологии и системной работы в некоторых музеях края, из-за чего работа ведётся разово и без программного подхода.

Во время защиты проектов определилось три важных ориентира, к которым музеям следовало бы стремиться в своей работе.

Необходимо показывать, на сколько это возможно, «вклад» репрессированных в развитие региона. Целые города на севере Красноярского края были построены руками заключённых (Норильск, Игарка). Однако, такой подход не должен стать аксиомой для всех проектов.

По мнению сотрудников музеев важно показывать жизнь репрессированных в Сибири во всем ее многообразии – и тяготы не-

свободы и светлые стороны их жизни помогавшие выжить в непростых условиях.

С ним связан другой ориентир – это развеивание мифов. Мифы, как известно, базируются на простом незнании истории или фактах, искаженных политической конъюнктурой.

Придавать проекту по политическим репрессиям социальную значимость и встраивать его в культурную инфраструктуру района – это ещё один ориентир, высказанный во время защиты проектов.

Семинар-тренинг был спланирован таким образом, чтобы работа в группах завершилась коллективным анализом и здоровой критикой созданных проектов.

«Семинар понравился, приём тоже. Интересно познакомиться с новым местом. Очень полезно и интересно погружение в проект на конкретную тему в группе людей разного возраста и профессиональной подготовки. Взаимное обогащение идеями, новые мысли появляются, кругозор расширяется. Всегда больше всего обогащает общение! Понравился музей. В нём тепло и интересно» / Л.А. Надеева.

В конце работы были отмечены наиболее удачные проекты, прозвучали рекомендации по проектированию: необходимость масштабировать проект и использовать фактический материал.

За короткий срок участники семинара-тренинга прошли путь от выработки идеи до разработки механизмов реализации проекта. Многие из участников проявили командный дух и готовность работать в группе единомышленников, что крайне важно для проектной работы.

«Главная цель семинара побудить людей к мышлению, достигнута. Я получила стимул для дальнейшей работы в этой теме и опыт работы в проектной деятельности» / Т.В. Игнатьева

Самый большой результат семинара заключается в том, что работники музеев создали базу для совместной работы, а в некоторых случаях и дополнили банк идей для реализации новых проектов. Озвученные идеи проектов («Я репрессирован», «Один мир-два полюса», «Ссылная тропа», «Фонд-140 С. Не секретно...») могут быть взяты на вооружение в деятельности любого

из музеев-участников и реализованы в самых разных сферах: туризме, образовании.

Через собственный опыт участники семинара пришли к пониманию необходимости создания сетевых проектов, за которыми будущее в региональном музееведении.

К важному результату можно отнести и то, что после окончания семинара (как и во время его проведения) участники активно обменивались контактами и идеями о совместных проектах.

Семинар показал, что с темой репрессий могут работать не только краеведческие музеи, но и музеи узкой направленности, в чьи функции не входит глубокое изучение истории по отдельным проблемам, к которым относится тема «Политические репрессии».

Проблемы, выявленные во время семинара и заинтересованность музейщиков в работе с данной темой, говорят о необходимости сохранения семинара как формы работы. Он показал важность институционального общения в музейной сфере и межличностных контактов, а также, необходимость постоянного повышения квалификационного уровня, как в общемузейной практике, так и в теме «Политические репрессии».

«Краевой семинар дал многим маленьким музеям определённый стимул в работе, поднял планку нашим изысканиям» / Н.А.Лактионова

Красноярским музеям, территориально удалённым от краевого центра, испытывающим дефицит финансовой поддержки и информационный вакуум, помощь подобного рода и опыт коллег крайне необходимы.

Формирование нового гражданского общества, толерантности, патриотизма – это не только демонстрация блестящих побед, но объективный и вдумчивый разговор об ошибках и заблуждениях. Как сделать так, чтобы он никогда не повторился... этот жестокий урок красной истории.

Часть III
Советы профессионалов
для работы над темой
«Политические репрессии»

ВОЗМОЖНОСТИ ОБРАЗНО — АССОЦИАТИВНОГО ПОДХОДА В МУЗЕЙНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

В.Г.Марьясов

Главный специалист
по проектно инновационной деятельности
Красноярского музейного центра

Зачем это нужно?

Музейный проектировщик, в каком то смысле, не совсем свободен и выполняет роль своеобразного переводчика с языка документальных фактов, исторических материалов на язык чувственного, визуального, интерактивного восприятия, а так же других форм, которые не являются прямым экспозиционным текстом. Для чего всё это нужно?

Музейщик, вполне может сделать экспозицию на основе документального материала и выложить факты и документы в традиционной для музея форме – витрина, стенд. Посетитель, простым способом прочтения документов и информации, получит всё ему необходимое по представленной теме. Музейщик донёс – посетитель получил. Но на сегодняшний день этого недостаточно. Современный человек живёт в огромном информационном потоке и для того, чтобы убедить его остановиться, задуматься и вызвать интерес к тому, что выставляешь, мало просто достоверных фактов и подлинных документов. Прямым текстом никому ничего не донесёшь. Нужны новые подходы к мотивации человека. Его нужно заинтересовать чтобы он получил знания из области, которая ему может быть не очень-то интересна, с которой в повседневной жизни он и не сталкивается.

Эти подходы кроются в сфере эмоциональных переживаний человека. Человек одновременно живёт в двух состояниях, в реальном мире и мире фантазии, сна, иллюзии. В чём принципиальное отличие этих миров? В том, что в реальном мире всё определено, в нереальном ничего не определено. Там может быть всё что угодно. Мир фантазии оказывает существенное влияние на восприятие реального мира. Если разным людям, показать какой либо музейный предмет и спросить – чтобы это значило? То каждый человек ответит по разному. Это как раз тот случай вмеша-

тельства мира фантазии, когда человек узнаёт информацию о каких – либо фактах не известных ему, то он считывает её «в лоб»: «как сказано, так и воспринимаю», либо дофантазирует, додумает. Если та информация, которая доносится человеку существует в реальном времени и человек имеет возможность её проверить, сходить посмотреть, послушать, потрогать, то человек может это осуществить и сделать свои выводы. Но когда какие либо исторические события отдалены от человека промежутком времени, то он не может в реальности это ощутить. Даёт ли документальный материал такую возможность?

Сухой листок ксерокопии не обладает эффектом провокации эмоциональных переживаний. То есть, прочитав текст, человек получает прямую информацию, которую может передать другому человеку слово в слово, на сколько хватит памяти. Но на чувственном уровне он вряд ли что-то передаст, потому, как сама информация этого не имеет. Спрашивается, зачем передавать информацию на чувственном, эмоциональном уровне? Если музейщику это не нужно, то музейщик вешает под стёклышко ксерокопию. Человек пришёл, посмотрел и ушёл. На сегодняшний день такой подход устарел. Сегодня музей оперирует не только документальными фактами, но и эмоциями и переживаниями человека. Есть хорошая фраза – «скажи мне, и я забуду, покажи, я запомню, пригласи к участию, я пойму». Это не просто приглашение человека в чём-то поучаствовать, а ввести его в такое состояние восприятия вещей, в котором он будет не просто видеть и слышать, а будет чувствовать и переживать.

Музейщику сегодня это необходимо понимать. Нужна новая форма передачи информации, которая вызывает другие эмоциональные состояния у зрителя, нежели просто выставленные документы.

Что здесь за механизм размышления художника-проектировщика при движении от документа к художественному замыслу, который раскрывает суть этого документа или исторического факта. Находясь в ситуации музейного проектирования, проектировщик не может сделать что захочет, он должен выстроить логическую цепочку обратного восприятия. То есть, если я иду от исторических событий к художественной инсталляции на экспозиции, то я должен просчитать обратные ходы восприятия этой инсталляции посетителем. Я должен предвидеть, какие эмоциональные переживания зародятся у зрителя. Какие возникнут ассоциации у зрителя

глядя на предложенную мной экспозиционную инсталляцию тех исторических событий, о которых я хочу рассказать. То есть, достижение человеком некоего эмоционального, психологического состояния, которое может быть сродни тому, которое переживали люди той исторической ситуации, о которой я рассказываю и есть достижение искомого результата. Находясь в этом состоянии, человек совсем по-другому считывает информацию, она ложится на совсем другое эмоциональное состояние человека. Человек отключается от всех информационных потоков идущих на него. Он попал на выставку и как бы отключился от внешнего мира, на этот период времени переместился в другую эпоху, в другую историческую ситуацию и её сопереживает. Документальный материал воздействует не на уровень сознания, а на подсознание. Получается, что человек как бы соучаствует в том действии, которое запрограммировал экспозиционер или художник. Может показаться, что художественное произведение не может вызвать настолько сильных эмоциональных переживаний. Но, читая отзывы посетителей, где они описывают те эмоции, которые пережили при посещении экспозиционного проекта, есть достаточно оснований, говорить, что экспозиционер достиг искомого результата.

Каким образом осуществить?

Если говорить о методике трансформации документального материала в некий визуальный ряд, то этот механизм называется «образно – ассоциативным метод». Цепочка здесь очень простая. Если мы изначально имеем документальный материал, то в итоге нам нужно получить художественный образ, который будет работать как экспозиционный объект и взаимодействовать с посетителем не прямым текстом. Нужно перевести документальный материал в невербальную форму, создать атмосферу, зрительный образ. Здесь кроется самое сложное. Должна начать работать фантазия человека. Я на войне не был и в то время не жил, как там всё было, не знаю, но я могу это придумать на основе того, что я знаю из рассказов, из того, что читал. У художников это происходит автоматически. Но мы говорим о тех людях, которые не являются художниками. Каким образом от документального материала перейти к образу? Безусловно, у каждого человека, с каким либо предметом или историческим событием возникают ассоциации, образы, эмоции. Только совсем бесчувственный, неэмоциональный человек не может ничего выразить. У музейного сотруд-

ника эта способность развита, и он всегда может создать образ из того, что он знает, с чем работает.

Для удобства работы над образно ассоциативным рядом можно нарисовать три столбца. Рядом со словом «война», к примеру, в первом столбце, написать некоторое количество слов, ассоциирующихся с этим событием – во втором столбце, а в третьем записать возможные предметы и экспозиционные формы, которые есть в нашем распоряжении и которые мы могли бы осуществить в нашем проекте. Но если мы будем оперировать общими фразами, то мы ничего не добьёмся, потому что у всех будет одинаковый ассоциативный ряд и слишком широкие, а значит и слишком абстрактные представления по этому историческому событию, не вызывающие особых эмоциональных переживаний. Положительным моментом является сужение тем, конкретизация исторических моментов. Для выставок по репрессиям (которые я анализирую ниже) характерно то, что от абстрактных они перешли к более узким, конкретным темам. «Столбисты», «интеллигенция», «Пражское восстание», то есть аморфное понятия «репрессий» получило более конкретное направление. Только очень конкретные, жизненные факты могут «повернуть» в человеке тот ключик, который раскроет в нём потаённую дверцу и вызовет реальное переживание, а не абстрактное восприятие слова «репрессии».

Эмоционально сильные факты в документах проскальзывают двумя тремя словами и их очень важно увидеть, заметить. Пример Богучанского краеведческого музея. Держим в руках листок, в котором перепись имущества раскулаченного крестьянина. Сам факт того, что там написано уже вызывает интерес, но в конце читаем строку, которая меня тронула больше всего, стала эмоциональной чертой, перейдя которую я всем своим нутром почувствовал, что такое было раскулачивание в то время. В этой строке было написано «собака чёрная – одна». Сам документ, если бы он находился на стенде в музее я бы и не заметил. Что является моей задачей как проектировщика, что донести человеку о раскулачивании? То, что «собака чёрная – одна!» И когда зритель почувствует до такой степени «конфисковывали» имущество, то у него сработают более сильные эмоциональные механизмы, нежели просто ксерокопия этого документа как такового. То есть когда мы говорим о «собаке чёрной – одной» мы показываем крайности которые были при конфискации имущества. У че-

ловека забрали всё, даже собаку, которая является независимым объектом. В ассоциативном ряду нужно отразить те эмоции и переживания, которые вы получили, осознав этот факт. Через этот документ у вас возникло переживание, а оно естественно возникло потому, что вас это зацепило, тронуло. Нужно расшифровать коды этого переживания, весь перечень эмоциональных симптомов. Что именно этот факт у вас вызывает – разочарование, боль, сострадание. Это будет второй столбец предлагаемой выше таблицы. Мы, как музейные проектировщики должны фиксировать интересные, зацепившие нас факты. Выписываем в столбец эти факты. Теперь наша задача достаточно сложная, нам нужно к этому факту провести образно ассоциативный ряд, который выведет нас на образы, мысли, представления о том, как это может быть представлено в экспозиции. Какие слова, какие предметы, какие пространственные ситуации, могут вызвать у человека ассоциации той темы, о которой мы хотим рассказать в своём экспозиционном проекте. То есть, первый столбец исторические факты, во втором эмоции, переживания по поводу этого факта и в третьем столбце нам нужно переписать те формы и материалы, которые по нашему мнению могут вызвать те же переживания, которые пережил я, когда воспринял исторический факт. Таким образом, выстраивается цепочка, ведущая нас от документа к впечатлению. А посетитель в удачно сделанной экспозиции осуществит обратную связь от переживания, соучастия к документальной истории.

Примеры

Ниже я приведу примеры образно ассоциативного ряда на основе пяти экспозиций посвящённых репрессиям советского периода. Надо отдать должное организаторам экспозиций, которые не побоялись рискнуть и согласились применить метод психоэмоционального проектирования к такой сложной и неоднозначной теме. Не буду придерживаться хронологической последовательности этих экспозиций, так как темы этих проектов не связаны временной последовательностью, а сконцентрирую внимание на образно ассоциативных рядах, на основе которых и раскрывался основной концепт идеи.

Первый проект **«Нелидовка»**. Сужение темы проекта всегда идёт на пользу самому проекту, так как позволяет более глубоко и лично, проникнуть в тему экспозиции. В данном случае

этим локусом стали репрессированные столбисты. Люди, по духу свободолюбивые, интеллигентные и творческие. Но их жизнь была трагически разделена на два периода «ДО» и «ПОСЛЕ». До ареста и после него. В предоставленных материалах это чётко прослеживалось на примере фотографий. Выражение лиц весёлых жизнерадостных людей поменялось на серьёзный, отягощённый лагерным бытом взгляд. Этот контраст эмоций на лицах людей и послужил основой экспозиционной идеи. Вся экспозиция постоянно делилась на «ДО» и «ПОСЛЕ». В первой, входной зоне, была создана диорама столбистского быта – костёр, котелок, стол с лавками и огромная панорама вида с вершины горы. Рядом с диорамой, стена с легендарным словом «СВОБОДА» написанным в 1899 г. на Втором Столбе ещё революционерами, и на этом фоне красный кушак уходящий в небо. В этой зоне практически не было документального материала. Хотелось зрителя «окунуть» в обстановку и окружение столбистов, попытаться передать тот эмоциональный настрой, который был у этих людей когда они были свободны. Ведь трудно описать и передать те ощущения которые испытывает человек стоя на вершине скалы и смотрит вдаль на бескрайние просторы сибирской тайги. Это поистине были внутренне свободные люди.

Вторая зона являлась переходной, и одновременно самой документальной. Нам были предоставлены фотоматериалы и ксерокопии дел. Но распечатанные по современным технологиям фотографии не вызывали эмоционального трепета, а ксерокопии документов – тем более. Было решено всем документальным, но абсолютно современным по технологии изготовления, материалам придать исторический вид, искусственно состарить. Фотографии были специально «потрёпаны» и размещены в деревянные рамки, осознанно сделанные по образцам тридцатых-сороковых годов, и выглядели как известные нашему поколению рамки с десятком фотографий на стене над кроватью у бабушки в деревне. Судебные дела были распечатаны на тонированной бумаге, помяты, вымочены в «чайном растворе», высушены и разглажены. Далее по замыслу их нужно было подшить в НКВДэшные папки. Но где их взять, ведь современные выглядят совсем по-другому. Пришлось ходить по музею и менять новые папки на старые, советских времен. Благо, что мы ещё не так далеко ушли по пути цивилизации, поэтому без труда набрали нужное количество. Потом, на основе фотографии подлинной папки НКВД

придали им вид образца 1938 года. Таким образом, документальный материал был обработан и подготовлен к экспонированию. Главное как его подать, чтобы передать суть концепции «ДО» и «ПОСЛЕ». Решение было достаточно простым, буквально лежащим на поверхности. Поверхность стен декорировали поочерёдно белыми и чёрными полосами. Белая полоса символизировала период жизни до ареста, чёрная после. На белой были закреплены рамки с фотографиями «столбистской» жизни до заключения. На чёрной – только фотопортреты после заключения либо, просто ничего, пустая чёрная стена, что само по себе символично – «чёрная полоса». Для размещения папок было найдено простое, но интересное решение. Мы отталкивались от слова «посадили», которое обычно используют в просторечье в случае, когда человек арестован и заключён под стражу. Мы решили интерпретировать это понятие буквально. Нашли стулья образца сороковых годов и просто поставили возле чёрной полосы, а на стул положили папки с делами, разрешив посетителю свободно брать их в руки, садиться на стул и перелистывая, читая, ощущать прикосновение к прошедшей эпохе непосредственно держа в руках экспонат. Именно факт свободного доступа к «подлинному» документу не разделённого от зрителя стеклом витрины или стенда и производил наибольшее впечатление на людей. Это стало возможным благодаря тому, что папки были не настоящими, а качественно сделанными муляжами. Но посетитель об этом не знал, и его впечатления от ощущаемого, именно от ощущаемого, в прямом смысле, были не менее сильными чем, если бы он держал в руках подлинную папку с личным делом заключенного.

Третья зона экспозиции была посвящена периоду заключения. Это было тёмное пространство, задрапированное чёрной тканью и с очень плохим освещением. Я думаю, не надо долго пояснять, почему именно такое решение было принято для передачи эмоционального состояния «несвободы». Но главным в этом мрачном зале было то, что на стенах располагалась поэма Яворского о Столбах и столбистах, написанная во время заключения. Этот факт стал ярким примером прорыва внутренней свободы сквозь физическую несвободу. В экспозиции это состояние было передано тем, что мы осветили листки с поэмой маленькими лампочками, разместив их в непосредственной близости к листкам с текстом, тем самым высветив в тёмном пространстве именно текст, который повествовал о свободном полёте души, когда она парит

над простором сибирской тайги на высоте покорённой вершины каменной глыбы.

Следующий проект, который мы рассмотрим, назывался **«Отретушированная история»**. Он был сделан на основе материала взятого из книги английского писателя Стивена Кинга «Отретушированная история»... Суть этого материала заключалась в том, что тоталитарная система того времени не только уничтожала людей физически, но и пыталась навсегда стереть их из памяти и истории. Делалось это при помощи ретуши фотографий. Неудобные политической верхушке люди стирались из групповых фотографий, после того как они были арестованы и осуждены. Были уникальные примеры, когда одна и та же фотография редактировалась несколько раз. И от восьми человек в первом варианте осталось только пятеро в последнем. В некоторых случаях лица «неудобных» людей просто закрашивались чёрным пятном.

Решение экспозиционного пространства состояло из двух зон: документальной и интерактивной, то есть взаимодействующей со зрителем. Было найдено необычное решение для размещения фотоматериала. Так как ретушировалась, то есть изменялась одна и та же фотография, то в основе на стене был первый, не измененный вариант. Остальные – варианты одной и той же фотографии, которые претерпели изменения, были распечатаны на прозрачной плёнке и наклеены на стекло. Размещались они не рядом, как обычно бывает, а перед начальной фотографией на некотором расстоянии. При этом фигуры людей, которые были на первом варианте и остались на последнем были визуально совмещены. Благодаря такому размещению зритель, стоя перед этой многослойной конструкцией, мог легко увидеть, как с начальной фотографии периодически исчезали люди. Ведь просто рассматривая отретушированные фотографии, было трудно догадаться, что там, где пять человек изначально было восемь.

Сложность решения поставленной задачи в зоне взаимодействия с посетителем заключалась в том, чтобы показать одновременное присутствие и отсутствие человека. Ведь стирая людей с фотографии, их невозможно было стереть из жизни и истории. Было найдено достаточно простое решение. В размещённых в пространстве планшетах были вырезаны фигуры людей в полный рост. То есть, отверстие в форме фигуры человека, обозначало человека как такового, но при этом было пустотой. Человек как бы

есть, но его нет. Посетитель мог свободно проходить через контуры людей, останавливаться в проёме, заполняя собой эту пустоту. При этом в зоне лица висел прозрачный планшет с чёрным пятном закрывающий лицо посетителя. Другой посетитель, глядя на человека в проёме, видел его обезличенным, а когда тот выходил из проёма другой посетитель видел образовавшуюся пустоту в форме человека. Был человек, и нет его. Как легко исчезает человек на экспозиции, также легко можно было исчезнуть в то время, только по настоящему. Это пример переноса ассоциации стирания человека из истории в образ решения экспозиционного пространства. Продолжением способов взаимодействия экспозиции с посетителем стало то, что при входе в экспозицию людям выдавались чёрные маски с прорезями в районе глаз. И посетители, осматривая экспозицию, практически не видели лиц друг друга, они были обезличены, но они были, как и те люди, которых хотели стереть из истории методом ретуширования фотографий.

Следующий проект **«Потерянное наследие»** уникальный в своём роде тем, что он был реализован почти без финансовых затрат. Основой этого проекта стали материалы по репрессированной интеллигенции. В отличие от первых двух проектов – тема широкая и довольно абстрактная. Это и вызвало сложность поиска идеи воплощения проекта. В представленном материале было трудно за что-либо «зацепиться». Репрессии интеллигенции не отличались чем-то особенным от репрессий вообще. Нужно было найти что то уникальное, отличающее эту «прослойку» общества от других слоёв населения, которые тоже подвергались политическому террору. Решение было найдено в ассоциации интеллигента с книгами, как символом начитанности, учёности. Но что с книгами делать? Выстраивание образно ассоциативного ряда привело к ассоциации уничтожения интеллигенции с уничтожением книг. Ведь уничтожение учёного происходит не его физическим устранением, а уничтожением его научных работ. Таким образом, была осуществлена связь образа интеллигента и образа книги. Но как показать всю трагичность уничтожения интеллекта нации.

Было найдено крайне радикальное решение, которое в последствии стало своеобразной провокацией, и вызвало не однозначное восприятие происходящего. Из документального материала в нашем распоряжении были только фотографии осуждённых и краткая аннотация к ним. Они были оформлены очень скромно,

распечатаны на принтере небольшого формата и прикреплены к белой стене в одну линию. Главным в экспозиции был устланный разбросанными книгами пол, которые нам безвозмездно предоставили библиотеки из фонда списания. В экспозицию не возможно было войти – всё пространство пола было устлано разбросанными книгами, нотами, учебниками. Да и заходить было незачем – кроме этих книг в экспозиции практически ничего не было. Главной интригой этого экспозиционного решения было следующее: сможет ли посетитель топтать книги? Как показала правда жизни, смог, и не очень долго раздумывая. Хотя, надо признаться, многие не смогли. И заходя в экспозицию, старались раздвинуть книги, чтобы не наступать на них, некоторые просто снимали обувь. Если сегодняшний посетитель легко идёт по книгам, то почему бы тоталитарной системе не пройти по человеческим судьбам?

Следующая экспозиция была **посвящена «Красному террору»**, понятию достаточно ёмкому, поэтому локусом этой темы была выбрана периодическая печать – газеты того времени с опубликованными статьями о «врагах народа». Главное, что мне запомнилось при изучении материала, что арестов, приговоров и расстрелов (по тексту статей) требовал сам народ!

В статьях писалось, что рабочие такого-то завода злобно осудили... и требуют суда и приговора. Отталкиваясь от материалов старых газет, получается, что репрессии осуществлял народ над самим собой. Такая гигантская машина самоубийства.

Держа в руках тонкий и хрупкий от времени листок газеты, я начал чувствовать, какой страшной силой он был в руках власти. И выстраивая в голове жуткую картину тотального страха и всенародного осуждения, листок бумаги превращался в лезвие гильотины, машины убийства. На этом ощущении и был выстроен основной замысел экспозиции. Главным контрастом стало сопоставление газеты как, печатного издания, хранящегося в каждом доме, и газеты как орудия террора. Был придуман экспозиционный объект, который сочетал в себе элементы гильотины, где роль лезвия выполняла подлинная газета того времени, оформленная под стекло. При этом это стекло с газетой передвигалось вверх и вниз по аналогии с карательным механизмом. В нижней части экспозиционного объекта располагалась классическая газетница советских времён сделанная из двух палочек и ткани. В ней лежа-

ли современные газеты с вклеенными копиями статей времён репрессий. Этим жестом, вкрапления старых статей в современные издания, мы показывали посетителю, что дело не в том какое время, а в том какие люди и, какой страшной силой обладает эта недорогая бумага. Было изготовлено двадцать пять объектов, по количеству подлинников газет. Все они были выстроены в один ряд, по образу конвейера, который мы часто видим по телевизору, когда показывают, как печатаются газеты.

Такое расположение объектов тоже не случайно. Ведь количество жертв сталинских репрессий сравнимо с конвейером по уничтожению народа. Вот такой образно-ассоциативный ряд был выстроен относительно этой темы экспозиции.

Последняя экспозиция, которую я проанализирую - **«Братислава. Август 1968»**. Она посвящена теме «Пражской весны» 1968 года. Материалом экспозиции стали документальные фотографии Ладислава Биелика с улиц Братиславы в период этих событий. Фотография как экспозиционный объект используется довольно часто. Она достаточно информативна и не требует много времени от посетителя для изучения материала. Но по форме документальная фотография «суховата» и не всегда может передать тот эмоциональный накал, который на ней отображён. Поэтому было принято решение дополнительно оформить фотоматериал для усиления впечатления зрителя о событиях весны 1968 года в Чехословакии. Надо признаться, что идея экспозиционного решения пришла в голову довольно быстро. При анализе материала сразу прозвучала фраза «попытка проломать железный занавес». На основе этой фразы знакомой нам с советских времён и был построен художественный замысел. Экспозиция выглядела длинным (около тридцати метров) поясом и состояла из двух слоёв. Первый слой был сформирован из ленты фотографий закреплённых на стене. Второй располагался от первого на расстоянии пятьдесят сантиметров и был буквально «железным занавесом» изготовленным из листового железа и тотально закрывающий фоторяд. Увидеть фотографии зритель мог только через прорванные, в буквальном смысле этого слова, дыры в железе. Люди на фотографиях, вышедшие на улицы города, пытались проломить тот пресловутый «железный занавес», который выстроила советская идеологическая система относительно других государств, но им тогда, в 1968 г., это сделать не удалось. Поэтому и на экспозиции «же-

лезный занавес» висит, закрывая от нас события Пражской весны 1968 года, как скрывала советская власть информацию об этих событиях. Но «железный занавес» на экспозиции пробит, и мы всё же имеем возможность узнать правду о событиях того времени, событиях которые пробили «железный занавес» в сознании и душах людей.

Надеюсь, этот материал по организации создания выставок будет полезен для проектирования документальных, исторических экспозиций, обращенных к чувствам и переживаниям человека, связанных с теми историческими событиями, о которых хочет рассказать экспозиционер или музей.

Удачи!

**Библиографический список
для работы над темой
«Политические репрессии»**

Подготовила Е.Л.Зберовская, к.и.н.

Источники

1. Дизендорф В. Прощальный взлет. Судьба российских немцев и наше национальное движение. Книга 1. От национальной катастрофы – к попытке возрождения /В. Дизендорф. – М., 1997. – 347 с.
2. История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.) / Вступит. статья, сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. – М., 1993. – Т. 1 – 445 с.
3. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов собрание документов в 7-ми томах. – М., 2004 – 2005.
4. Красноярский край в истории отечества: кн. Вторая. 1917 – 1940: Хрестоматия для учащихся ст. классов средних школ. – Красноярск, 1996. – 272 с.
5. Красноярский край в истории отечества: кн. Третья. 1941 – 1953: Хрестоматия для учащихся ст. классов средних школ. – Красноярск, 2000. – 448 с.

6. Майер Р.А. Судьба российского немца: семейная хроника Ч.1./ Р.А. Майер – Красноярск, 2000 – 365 с.
7. Межэтнические связи Приенисейского региона 1917 – 1992: Сб. док-в, часть 2. – Красноярск, 2007.- 383 с.
8. Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: сб. док-в (1940-е годы) / сост., предисл., коммент. д-ра ист. наук, проф. Н.ф. Бугая. – 2-е изд. – М., 2000. – 352 с.
9. Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов/ Под. общ. Ред. А.Н. Яковлева. – М., 1991 – 461 с.
10. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993. – 223 с.
11. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923 – 1960: Справочник. О-во «Мемориал». ГАРФ / Сост. М.Б. Смирнов; под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. – М., 1998. – 600 с.
12. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / Сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пашенко, Р.К. Суханова. – Новосибирск, 1992 – 283 с.
13. Спецпереселенцы в Западной Сибири: весна 1931 – начало 1933 гг. / Сост. Красильников С.А. и др. – Новосибирск, 1993. – 341 с.
14. Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1933 – 1938 гг. / Сост. Красильников С.А. и др. – Новосибирск, 1995. – 310.
15. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939 – 1945 гг. / Сост. Красильников С.А. и др. – Новосибирск, 1996. – 311.
16. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939 гг. Документы и материалы. В 5-ти тт./ Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М., 2000 – 927 с.
17. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939 гг. Документы и материалы. В 5-ти тт./ Т. 3. Конец 1930 – 1933. – М., 2001 – 1008 с.
18. Фукс В.Г. Роковые дороги поволжских немцев 1763 – 1995 гг. // В.Г. Фукс – Красноярск, 1995 – 220 с.
19. www.memoriai.krsk.ru.

Литература

1. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941 – 1955 гг.: Историко-правовое исследование / Л.П. Белковец. – 2-е изд. – М., 2008. – 359 с.
2. Бердинских В.А. Политическая ссылка народов Советской России. – М., 2005. – 768 с.
3. Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 1939 – 1940 годах / Н.Ф. Бугай // История СССР – 1989. – № 6 – С. 136 – 144.
4. Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов в 30-40-е годы / Н.Ф. Бугай // История СССР – 1991 – № 2 – С. 48 – 76.
5. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно вашему указанию...» / Н.Ф. Бугай. – М., 1995. – 265.
6. Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина» / Н.Ф. Бугай – М., 2006. – 271 с.
7. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. – М, 2005. – 320 с.
8. Гушин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири 1928 – 1933: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия // Н.Я. Гушин – Гуманитарные науки в Сибири – 1996 – № 2 – С. 31 – 37.
9. Данилов В.П. Коллективизация: как это было? / В.П. Данилов // Страницы истории советского общества: факты, проблемы, уроки. – М., 1989. – С. 228 – 253.
10. Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940 – 1950-е гг.): Автореф. дис.... канд. ист. наук 00.07.02 / Е.Л. Зберовская – Красноярск, 2006 – 22 с.
11. Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные. (Статистико-географический аспект) / В.Н. Земсков // История СССР – № 5 – С. 151 – 165.
12. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) / В.Н. Земсков // Социс. – 1991. – № 6. – С. 3 – 17.
13. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930 – 1960/ В.Н. Земсков, Ин-т рос. Истории. – М., 2003. – 306 с.
14. Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940 – 1953 гг. / Е.Ю. Зубкова. – М., 2008. – 351 с.

15. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов). – М., 1994 – 269 с.
16. Кашаускене В. Миграционные процессы в Литве в послевоенные годы (1945 – 1952 гг.) / В. Кашаускене // Россия в XX веке/Война 1941–1945 гг.: современные подходы – М., 2005 – С. 434 – 451.
17. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края: Кн. 1 – 5. – Красноярск, 2004 – 2007.
18. Конквест Р. Большой террор / Р. Конквест. Т. 1,2 – Рига, 1991.
19. Корсакова О.В. Крестьяне–спецпереселенцы в Сибири в 1930-е гг. (на материалах Красноярского края): Автореф. дис.... канд. ист. наук 00.07.02 // О.В. Корсакова – Красноярск. 2001 – 22 с.
20. Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг./ С.А. Красильников. – М., 2003., – 288 с.
21. Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). – Новосибирск, 2008 – 392 с.
22. Люди и судьбы. XX век. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Красноярск. 30 октября 2003 г. – Красноярск, 2003. – 198 с.
23. Медведев Р. О Сталине и сталинизме / Р. Медведев. – М., 1990. – 488 с.
24. Мезит Л.Э. История Красноярского края (1917 – 1940 гг.): Учебное пособие. – Красноярск, 2001 – 108 с.
25. Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. – М., 1999 – 288 с.
26. Немцы в Сибири: история, язык, культура: материалы междунаrod. науч. конф., г. Красноярск, 13 – 16 октября 2004 г. / Отв. ред. В.А. Дятлова. – Красноярск, 2005. – 312 с.
27. Немцы России: Энциклопедия. – М., 1999 – Т.1 – 822 с.
28. Норильская голгофа. – Красноярск, 2002. – 176 с.
29. Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма/ И.В. Павлова. – Новосибирск, 2001.
30. Павлова И.В. Понимание сталинской эпохи и позиция историков / И.В. Павлова// Вопросы истории. – 2002 – № 10.
31. Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928 – 1941. / С.А. Папков – Новосибирск. 1997. – 271 с.

32. Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии/ В.С. Парсаданова // Новая и новейшая история – 1989. – № 2. – С. 36 – 57.
33. Поляки в Приенисейском крае: сб. материалов межрегион. науч. – практ. конф. и семинаров «Польская тема в работе архивов и музеев Хакасии и Красноярского края» 2003 – 2004 гг. // сост. и подгот. к изд. С.В. Леончик. – Абакан, 2005. – 124 с.
34. Поляки на Енисее. Приложение к газете «Przyjazn», печатному органу Красноярской региональной национально-культурной автономии «Дом Польский». – Красноярск, 2003. – 180 с.
35. Полян П.М. Не по своей воле...(история и география принудительных миграций в СССР) / Полян П.М. – О.Г.И. «Мемориал». – М., 2001. – 327 с.
36. Славина Л.Н. Социально – демографические последствия депортации (на примере Красноярского края) / Л.Н. Славина // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – №2. – С. 34 – 39.
37. Степанов М.Г. Репрессивная политика советского государства в 1939 – 1953 гг. (на материалах Хакасии): автореф. дис.... канд. ист наук: 07.00.02 / М.Г. Степанов. – Абакан, 2005. – 23 с.
38. Степанов М.Г. Проблема сталинских политических репрессий (1928 – 1953 гг.) в постсоветских исследованиях историков Красноярского края и Хакасии // М.Г. Степанов – Гуманитарные науки в Сибири – 2008 – № 2 – С.87 – 89.
39. Тугужекова В.Н., Карлов С.В. Репрессии в Хакасии/ В.Н. Тугужекова, С.В. Карлов. – Абакан, 1998.
40. Урал и Сибирь в сталинской политике: сб. ст./ Отв. ред. С. Папков, К. Тэраяма. – Новосибирск, 2002. – 266 с.
41. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальный портрет советской деревни в 30-е годы: деревня/ Ш. Фицпатрик. – М., 2001.
42. Хлевнюк О. Принудительный труд в экономике СССР. 1929 – 1941 гг./О. Хлевнюк // Свободная мысль. – 1992 – № 13. – С. 73 – 84.
43. Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941 – 1955 г.)// дис.... канд. ист. наук // [http:// www.sati.archaeology.nsc.ru/s.../](http://www.sati.archaeology.nsc.ru/s.../)

44. Шекшеев А.П. Крестьянское повстанчество на Енисее. 1918 – 1932 гг. // А.П. Шекшеев – Вопросы истории – 2006 – № 2. – С. 103 – 112.
45. Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина большого террора. – М., 2006. – 608 с.

Уважаемые исследователи! Представленный вашему вниманию библиографический список не исчерпывает всех существующих на сегодняшний день работ по истории массовых репрессий в СССР. При его составлении мы руководствовались следующим принципом – представить наиболее заметные постсоветские публикации, которые бы отражали исследование темы в целом, в сибирском регионе, в Красноярском крае. Особое внимание мы уделили последнему компоненту, полагая, что он будет наиболее интересен красноярским исследователям.

Надеемся, что обращение к указанным работам будет способствовать дальнейшему изучению темы политических репрессий в Красноярском крае.

Часть IV
Из опыта работы:
тема советских репрессий
в материалах музеев
Красноярского края

ИНСПЕКТОР ЕНИСЕЙСКИХ ЛЕСОВ

Т.В.Игнатьева

Научный сотрудник
Енисейского краеведческого музея

В 1915 году молодой солдат Александр Кобычев, находясь в действующей армии, писал брату в Енисейск: «На передовых позициях я испытал страшные и жуткие моменты, ожидая каждую минуту смерти. Счастлив тот, кто все это пережил, испытал и остался не только жив, но и невредим, как я...»

23 марта 1938 года Александр Кобычев, работавший тогда инспектором лесов местного значения, был арестован и обвинен в подпольной агитации и участии в «контрреволюционной кулацко-повстанческой группе». Решением тройки УНКВД Красноярского края от 7 мая 1938 года Кобычеву Александру Ионовичу была назначена высшая мера наказания – расстрел. Приговор был приведен в исполнение 25 мая 1938 года в Енисейске. И можно только предполагать, как ему, уже отцу двух дочерей, пришлось снова пережить страшное ожидание смерти.

«Я мало знаю о юности и молодости своего отца,- рассказывает дочь Александра Ионовича, – сначала он учился в церковно-приходской школе, потом поступил в ремесленное училище, затем в лесную школу в Емельянове и блестяще закончил ее. До ареста у нас дома хранились похвальные и наградные листы, карты и планы лесных угодий Енисейской губернии, вычерченные им и помеченные оценкой «отлично».

Мой отец любил лес самозабвенно; у него была огромная библиотека по ведению лесного хозяйства как русских, так и иностранных авторов.

За время учебы в лесной школе он собрал гербарий, который был отмечен дипломом и послан в С-Петербургский Лесной институт, где экспонировался на выставке «Растительность Восточной Сибири».

В 1914 г. отец был мобилизован в действующую армию. Потом началась гражданская война. И только в 1920 году он вернулся в Енисейск, где начал работать лесничим. В 1921 году он познакомился с моей мамой. Увидев, что девушка ходит на работу в ботинках зимой, он подарил ей катанки и, чтобы не оскорбить ее гордость, такую же «обувку» подарил ее младшим сестрам. Вскоре

они поженились. Отец много работал, часто бывал в разъездах, мы его редко видели дома. В начале 1920-х годов он был переведен в Комитет Севморпути, а потом организовали экспорт леса за границу, его пригласили главным лесным специалистом в трест «Севполярлес». Он стал инспектором лесов на огромной площади, где расположены леспромхозы – бассейн Ангары и Енисея – Стрелка, Тасеево, Богучаны, Кежма. Каждый раз, когда отец возвращался из своих «экспедиций», пахнущий морозом и табаком, мы бросались к нему на шею и на плечи. Не было в нашей детской жизни более счастливых минут.

Иногда мы ездили с отцом в деревню на лошади, запряженной в маленькие ковровые сани. Возил нас знаменитый на весь Енисейск «Выкидай» – статный красавец, серый в яблоках жеребец, купленный в Красноярске на ярмарке специально для отца, так как он предоставил под контору одну из комнат нашего дома.

В начале 1930-х годов Енисейск был наводнен ссыльными крестьянами из европейской части страны, которых называли «спецпереселенцами». Их привезли на зиму без теплой одежды, денег, продуктов – без ничего, и расселили в каких-то старых бараках, предоставив самим себе.

Зима стояла в тот год очень суровая. И однажды ночью отец услышал странный скрип и увидел из окна кухни, что по приставной лестнице лезет на крышу человек (с чердака можно было попасть в кладовку). Отец оделся и открыл кладовую в тот момент, когда этот несчастный брал с полки сало и клал себе за пазуху. Отец взял его за шиворот, отобрал сало и повел в дом. На кухне разжег плиту, вскипятил чайник, поставил на стол сало и картошку, хлеб, накормил этого беднягу, достал из шкафа свой старый полушубок, валенки, меховые рукавицы и «обрядил» совершенно растерявшегося мужика. Потом оба закурили и сели около печки. Папа сидел и думал. (Это он нам потом рассказывал). В конце концов, велел ему прийти в контору лесничества. Положил в мешок шматок сала, картошку, несколько кусков рафинада, две рыбины, пачку махорки и отправил восвояси.

А с утра он в РИКе с руководителем решал вопрос об общественных работах в лесничестве – расчистка леса, вывоз сухостоя, обустройство зимников. Ссылные получили работу и паек. Отец как главный лесничий выдал им билет на заготовку дров, а городская власть выделила им лошадь и сани для вывозки. Так они были спасены от замерзания в своих полуразрушенных бараках.

В конце 1934 года отец уехал на Высшие курсы лесного хозяйства. Отсутствовал полгода, и по возвращении в лесничестве уже не работал, а перешел в комитет Севморпути. Но за годы работы в лесничестве он пополнил свой богатейший гербарий, собрал большую коллекцию жуков и изумительную коллекцию бабочек. Отец также серьезно занимался озеленением города, организуя воскресники и посадки саженцев тополей на улицах Енисейска.

23 марта 1938 года наше безоблачное детство закончилось. Ночью раздался стук в дверь, в дом вошли люди в белых полушубках. Обыск был тщательным: перетрясали все вещи в шкафах, детский письменный стол и стол отца. Особенно рылись в книгах. А потом велели собираться отцу. Перед уходом он всех нас обнял, поцеловал и сказал: «Не волнуйтесь, Маруся, доченьки, я обязательно вернусь». Так из нашей жизни навсегда ушел отец. Только в 1995 году мы узнали истину о его гибели. Через пять лет после ареста отца к нам пришел незнакомый человек, который рассказал, как вел себя отец в тюрьме, где они вместе находились в камере. Наш отец возвращался с допросов весь избитый, ложился и стонал от боли. И этот незнакомец сказал: «Саша погиб, так как никого не назвал».

Отец, видимо, много думал о будущем своих дочерей. Он прекрасно понимал, в какие времена придется жить и считал, что мужчина, даже не будучи образованным, но обладая твердой волей и характером, найдет себе место в жизни. Женщине сложнее. Он не раз говорил, что женщина – просвещенец, много читавшая, умеющая размышлять и анализировать, обладающая волей, в любых жизненных испытаниях легче справится с невзгодами, могущими выпасть на ее долю. Обо все этом нам рассказывала мама, когда мы учились в старших классах. И еще он считал, что женщина обязательно должна получить гуманитарное образование – история, литература, иностранный язык – вот так он мыслил воспитать своих дочек».

После ареста Александра Ионовича Кобычева для его семьи настали трудные времена. Многие из прежних знакомых просто перестали их замечать. В то время существовало негласное правило: жен врагов народа не принимать ни на какую работу.

Тогда большую поддержку семье Кобычевых оказали друг арестованного Михаил Салтыков и его жена Анисья Владимировна. «Эту семью, – вспоминает Станислава Александровна, – я буду помнить до конца своей жизни, потому что в самые тяжкие времена для нас (а особенно для мамы) они помогали нам, как мог-

ли, хотя сами жили не ахти как. Нина Александровна Грошева, несмотря на то, что насквозь была пропитана идеями коммунизма (со всеми присущими таким людям чертами), будучи доброй знакомой мамы, не перестала общаться с ней, когда мы стали изгоями общества, членами семьи «врага народа». Более того, она по мере возможности помогала маме, устроила её на склад рабочей, поговорила с завскладом, чтобы маму не ставили на тяжелые работы. Только тот, кто жил в то время, может оценить этот поступок.

21 июня 1941 года Станислава Александровна сдала последний выпускной экзамен – физику. Когда на другой день она пришла в школу, коридоры были пусты. Все были на митинге – началась война. Жизнь стала еще сложнее, но Мария Александровна сказала дочери: «Поедешь учиться. Я обещала твоему папе». И старшая дочь стала студенткой Новосибирского института аэрофотосъемки и картографии. Но вскоре 1-3 курсы были расформированы, им было предложено либо разъехаться, либо остаться для работы в госпитале.

В 1943 году в Новосибирск пришла телеграмма из Енисейска: «Немедленно приезжай. Беда». Сгорел дом Кобычевых. Мария Александровна с младшей дочерью оказалась в больнице. Все нужно было начинать сначала. И все-таки, Тэся Александровна в 1945 году, исполняя волю отца, снова едет учиться, теперь уже в Москву, и поступает в МГУ на отделение журналистики филологического факультета (тогда еще отдельного факультета не было). Уже на третьем месяце занятий выяснилось, что она дочь «врага народа», её вызвал к себе ректор университета. «Разговор был нелегким, – вспоминает Станислава Александровна, – сначала он похвалил меня за успехи, а потом сказал, что отделение готовит людей, которые «должны будут нести в массы идеологию победившего класса и его авангарда, а вы не сможете это делать. Поэтому оставить Вас я не могу. Но я Вас понимаю и жалею, поэтому помогу Вам подыскать учебное заведение, где этот факт Вашей биографии не будет играть особой роли. А пока я оставляю Вам хлебную и продовольственную карточку, рацион (это талоны на обеды). Вы останетесь в общежитии. Это я Вам обещаю. И помните всегда, что люди лучше обстоятельств. Это поможет Вам не озлобиться». Через 5 дней после этого разговора старшая дочь Александра Ионовича была принята в Московский институт цвет-

ных металлов и золота по дополнительному набору. Так она выбрала профессию, которая определила всю её дальнейшую жизнь.

Станислава Александровна Кобычева стала начальником геологоразведочной партии, искавшей в 1950-е годы золото и цветные металлы на Колыме и Памире. Она стала героиней очерка Владимира Рудима «В секторе Q – 57» («Огонек», № 52, 1958 г.), была собеседницей Виктора Петровича Астафьева по переписке в 1960-е годы. С.А. Кобычева является автором ярких и смелых стихов, великолепная рассказчица, равнодушный ко всем проявлениям жизни человек, бесконечно влюбленная в свой родной город. «Сердце радуется, – призналась она, – что в моем милом, родном сердцу Енисейске, самом любимом из всех городов, где жила, идет такая интенсивная духовная жизнь».

В 1947 году уезжает учиться в Московский библиотечный институт младшая дочь А. И. Кобычева. Она училась на одном курсе с Фазилем Искандером и помнит, как они все вместе встречали новый год. В фондах Енисейского краеведческого музея хранится эта фотография. В годы учебы Ангелине Александровне посчастливилось также познакомиться и общаться с Василием Блюхером, сыном расстрелянного большевиками маршала В.В.Блюхера.

«У Василия была тяжелая судьба. – вспоминает Ангелина Александровна. – В институт его не приняли из-за отца. Он учился в одноименном техникуме и заочно на философском факультете Московского университета. Жил в общежитии института цветных металлов, где и моя сестра, поэтому мы часто с ним встречались. Умный, начитанный и чрезвычайно скромный юноша, нам было интересно обмениваться прочитанным и услышанным на лекциях по гуманитарным наукам. Особенно помню, по древнегреческой истории и античной литературе, ведь с «технарями» не поделишься. Потом из него вышел хороший организатор производства (директор крупного производственного объединения) и ученый (профессор Свердловского политехнического института). Много лет спустя я видела его выступление по телевидению в Алма-Ате, таким же скромным он был и тогда».

В библиотечном институте тогда работали прекрасные преподаватели. Многие курсы вели профессора, изгнанные из Московского университета в связи с борьбой против космополитизма, объявленной Сталиным. Среди них были профессора Коган, Савич, Марков, Т. Мотылева, М. П. Гастфер, Эйхенгольц и другие.

В 1951 году Ангелина Александровна была направлена на работу в Свердловскую областную библиотеку библиографом. Но ее не допустили к этой работе как недостойного доверия человека (дочь врага народа) и направили в читальный зал.

В 1954 году Ангелина Александровна уехала в Алма-Ату, где жили ее мать и сестра. Там она работала в республиканской библиотеке. В последние годы была зав. научно-исследовательским отделом и работала над созданием краеведческой национальной библиографии, а также редактировала вышедший в 1980-е годы сборник документов «История библиотечного дела в Казахстане».

Так сложилась судьба двух маленьких дочек инспектора Енисейских лесов, расстрелянного в мае 1938 года.

ТЕМА РЕПРЕССИЙ В ИГАРСКОМ МУЗЕЕ

М.В.Мишечкина

Директор

Игарского краеведческого комплекса
«Музей вечной мерзлоты»

Тема репрессий в Игарском музее получила свое развитие с момента его открытия в 1991 году. К этому времени уже был накоплен огромный материал теми людьми, которые занимались краеведением и реабилитацией лиц, сосланных в Игарку в разные годы. Например многие горожане особо чтят память о Леопольде Антоновиче Барановском, сосланном латыше, ставшем неутомимым летописцем города. Именно он был первым председателем комиссии по реабилитации репрессированных, помогал восстанавливать свое доброе имя многим сотням немцев, литовцев, латышей, греков. Леопольд Антонович передал музею накопленные материалы, оставил несколько собственных рукописей, помог в создании первой постоянной экспозиции по теме репрессий в краеведческом комплексе «Музей вечной мерзлоты».

Эта тема сразу стала развиваться по двум направлениям: одно из них связано с воссозданием истории строительства железной дороги Салехард-Игарка (Объект № 503 ГУЛАГа), второе – с историей массовых выселок людей в район Игарки и станков, расположенных на подведомственной территории.

В 1997 году в отдельном здании был открыт отдел «Объект № 503». Сразу отмечу, что сделать это было довольно сложно. Было отдано старое деревянное здание 1934 года постройки, а средства выделили только на ремонт фундамента. Начались поиски благотворительных средств – на завершение ремонта, оформление экспозиции, сбор музейных предметов. Только благодаря пожертвованиям перед зданием появился небольшой мемориал, где разместились доски, посвященные памяти репрессированных. Судьба отдела до сих пор остается непростой. Например, его пытались закрыть. Глава города в 2000 г. объявил директору, что «содержание отдела, который по сути является политическим», не может входить в строку городского бюджета. Только личные обращения бывших заключенных Стройки 503 Ирины Алферовой и Вальтера Руге к губернатору Красноярского края А.И. Лебедю помогли сохранить отдел. Подобных критических ситуаций бывало немало.

Коротко об истории строительства дороги Салехард-Игарка. 29 января 1949 году было принято Постановление Совета Министров СССР, в котором говорилось о необходимости строительства железной дороги Салехард-Игарка, протяженностью 1200 км. Начать эксплуатацию новой дороги предполагалось в 1955 году. Мысль о строительстве заполярной транссибирской магистрали пришла Сталину сразу после окончания Великой Отечественной войны. Вождь был напуган тем, что Север страны в период войны оказался совершенно незащищенным. Кроме того, для промышленного гиганта – Норильского комбината – требовался железнодорожный путь, который позволил бы вывозить его продукцию в европейскую часть более дешёвым способом. То есть дорога Салехард-Игарка должна была иметь продолжение до Норильска. По мнению некоторых исследователей, которые считают, что Сталин вынашивал и ещё один стратегический проект – продолжить магистраль по Сибири до Берингова пролива и соединить таким образом Советский Союз через тоннель под проливом с Америкой.

Уже в 1949 году в Игарку стали прибывать заключенные, силами которых велась стройка. В черте города появились две зоны – мужская и женская. А между ними находилась так называемая «мамочкина зона», где содержались женщины с детьми. В Игарке был построен специальный городок – жилые дома для охраны, для руководящего состава ГУЛАГа, клуб, а также коттедж для начальника стройки. Кроме того, в городе располагалась ещё одна

зона для заключённых, которые строили саму дорогу. Им удалось даже проложить 60 километров железной дороги от Игарки до Чёрной речки. В районе старого города, недалеко от музейного комплекса, была сделана отсыпка для железнодорожной станции из гравия, который возили с Чёрной речки по железной дороге.

От Игарки до Салехарда, на протяжении всей трассы, через каждые 5-10 км располагались лагерные пункты, которые представляли собой площадки размером 500х500 метров, огороженные проволокой, со сторожевыми вышками по углам. Внутри – бараки, хозяйственные постройки, столовая. Строительство дороги велось практически вручную, техники было завезено очень мало. Многие исследователи отмечают, что строить дорогу в послевоенный период было политической авантюрой, потому что страна была в полном истощении, отсутствовали материальные ресурсы. Но апломб вождя был слишком велик. К тому же ГУЛАГ постоянно пополнялся «врагами народа» из числа военнопленных. Все они были отправлены в лагерь. А эта физическая сила, как правило, возводила в Советском Союзе все строительные гиганты.

Дорога должна была пройти по вечной мерзлоте что значительно осложнило работу строителей. Технический проект был представлен на утверждение тоже с опозданием, только в 1952 году, когда больше половины магистрали уже было готово. Строительство велось быстрыми темпами, в работе было много недочётов, на многих участках быстро появилась вода, дорога стала проседать.

Когда в марте 1953 году Сталин умер, было построено 911 километров дороги, а это две трети всей трассы. Судьба стройки резко изменилась после смерти вождя. В октябре 1953 году началась её ликвидация. С началом ликвидационного периода, материальные ценности стали уничтожать. Многие были брошены – рельсы, паровозы. Немые свидетели стройки до сих пор напоминают о строительстве дороги, которую забросили и теперь называют «Мёртвая дорога».

Все предметы, представленные в экспозиции в отделе «Объект 503», привезены с различных участков строительства. В одном из залов есть даже фрагменты обстановки барака, в котором жили заключённые. Одежду и обувь они шили сами. Мебель тоже делали своими руками. Общее число заключённых, которое содержалось на Игарском направлении в разные годы доходило до 30-40 тысяч человек. Такое число заключённых – на Обском направлении. Все заключённые – уголовники, рецидивисты и политические – содержались вместе. Но в самообхрану входили, как прави-

ло, уголовники. Они верховодили в ГУЛАГе, с их помощью охрана чинила расправу с политическими заключёнными.

Из числа заключённых в ГУЛАГе был сформирован даже свой театр. Входили в него бывшие актёры, режиссёры, писатели которые были осуждены за политические взгляды. Им удалось осуществить серьёзные постановки, потому что в число актёров входили талантливые люди. А зрителями были и военные (охрана), и многие жители Игарки.

Благодаря просветительской и издательской деятельности, которой занимается музей, интерес к этому историческому отделу всегда велик. Так, в рамках Всероссийского конкурса на лучшие программы в области культуры и искусства (грант Президента 1998 года) была реализована программа «История «Мёртвой» дороги», в частности, выпущена книга «Стройка № 503», где собраны архивные документы, рассказы очевидцев, каталог музейных предметов по этой теме. В настоящее время коллектив музея приступил к реализации проекта «В память о дороге, в память о строителях» на средства, полученные из фонда М. Прохорова. Для музея это очень важный проект. Его главная цель – сделать новый шаг в воссоздании объективной истории строительства в 1948-1953 гг. железной дороги Салехард-Игарка (Объект № 503 ГУЛАГа).

Чем дальше погружается в прошлое всё то, что связано с дорогой, тем больше нарастает тревога о том, как будет изложена в будущем её история. Она обрастает легендами и домыслами. К сожалению, этой теме посвящено *мало правдивых публикаций*. В основном, это статьи и книги, подготовленные бывшими политзаключёнными. Они выходят, как правило, небольшим тиражом, поэтому не всегда оказывают существенное влияние на формирование общественного мнения. Гораздо чаще мы становимся свидетелями того, что о дороге нам рассказывают иностранные журналисты, уверенно заявляя, что им известно практически всё. Упор при этом делается на то, что дорогу строили только политические заключённые, называются мифические цифры погибших при строительстве на дороге – многие миллионы заключённых.

Сотрудникам Игарского музея вместе с бывшими заключёнными стройки неоднократно приходилось писать об этом авторам различных фильмов, выпущенных за рубежом. Так было после выхода фильма английских кинематографистов «Поезд смерти» (реж. Робертс, фильм был показан в Игарке в 1997 г.), после

показа в Германии фильма немецких авторов о поездке в Сибирь в 2000 г. (фильм посмотрели бывшие заключенные В. Руге и И. Алферова). В названных фильмах не только отсутствовала реальная документальная основа, но и совершенно неоправданно использовалась информация, кочующая из одного иностранного источника в другой. Разбить этот миф не удаётся до сих пор. По всей вероятности, главная причина кроется в том, что правдивая информация не находит выхода, а если и издаётся, то незаметными тиражами и только на русском языке.

Неудивительно, что исследователи, которые практически ежегодно приезжают на «Мёртвую дорогу», чтобы осмыслить всё происходившее на ней, до сих пор говорят о дефиците информации. В наиболее невыгодном положении оказываются при этом иностранцы, поскольку сборник «Стройка № 503» был издан только на русском языке. В сентябре 2005 г. по «Мёртвой» дороге прошла пешком очередная группа иностранцев. Их впечатления нашли отражение на сайте www.friendsontour.de. Однако в разделе об истории строительства железной дороги мы вновь увидели расхожие на Западе формулировки «стройка политзаключенных», «погибшие миллионами падали на строительстве». Задача нового проекта – вернуть исследователей «загадочного» объекта ГУЛАГа **лицом к правде**, какой бы она ни была, обобщить собранный документальный материал, расширить его, благодаря встречам с новыми очевидцами, предать эти материалы гласности, издав 2-й выпуск книги «Стройка 503» на русском языке, а также с главами на английском и немецком языках.

Другая задача проекта состоит в том, чтобы сделать реальные шаги для увековечения памяти жертв репрессий – основать музей под открытым небом в Игарке. Привлечь внимание к одной из самых трагических страниц в истории страны, нашего города в период сталинизма поможет проведение выставки в Москве, организация похода для школьников по местам расположения объектов Стройки 503, сбор подростками предметов, написание отчёта.

Второе направление в развитии темы репрессий обусловлено тем, что Игарка по сути своей с 1930-х и по 1950-е годы прошлого столетия была городом ссыльных. Анализ архивных материалов показывает, что вольнонаемные, прибывшие на строительство города-порта в 1929 году, очень скоро стали отказываться от работы и уезжать с Севера. Условия были настолько тяжелы,

особенно в зимнее и весеннее время, что выстоять смогли только самые выносливые. Поэтому для освоения северных территорий и строительства Игарского порта очень скоро была налажена поставка практически бесплатной рабочей силы – спецпереселенцев.

Уже в 1930 г. в Игарку стали прибывать транспорты с так называемыми «раскулаченными» крестьянами. Первые годы пребывания спецпереселенцев в «кулацкой ссылке» были крайне тяжелыми. На почве голода резко увеличилась заболеваемость и смертность, имели место ряд самоубийств, выросла преступность. В 1937 году Игарка со всей страной пережила массовый террор. Аресту подлежали прежде всего бывшие переселенцы. Многие из них были расстреляны или бесследно исчезли. Лишь спустя десятилетия родственникам удалось узнать правду. В конце 1942 года с последними пароходами в Игарский район было завезено значительное количество людей различных национальностей. Их ожидала жестокая судьба. Латышей, немцев, евреев и т.д. выбросили на необжитые берега. Например, в станке Агапитово, почти половина прибывших не смогла там выжить и погибла. В 1944 г. в Игарку прибыли переселенцы из Калмыкии. В 1948 г. в Игарку сослали более 5000 человек из Литвы.

По свидетельствам очевидцев, система насильственного выселения была разработана в совершенстве. По железной дороге «спецпоселенцев» везли всех в товарных вагонах, совершенно закрытых. По Енисею людей сплавляли в трюмах барж или грузовых трюмах теплоходов.

После смерти Сталина началась реабилитация спецпереселенцев. Город стали покидать реабилитированные политические заключенные, которые находились здесь в бессрочной ссылке. Многим удалось выехать на свою родину – в Украину, Литву, Латвию. Литовские граждане проводили даже вывоз останков своих родственников, которые были похоронены в Игарке. А в память о тех, чей прах покоится на нашей северной земле, литовцы поставили на литовском кладбище памятник. В память о безвинно пострадавших в годы репрессий на территории музея установлена доска от игарчан. Рядом находится доска, которую привезли литовцы.

Ежегодно в День памяти политических репрессий игарские музейщики проводят самые различные мероприятия – митинги, встречи. Каждый раз это что-то новое. В 2005 году, например, 16

коллективов города участвовали в создании ПОМИНАЛЬНОГО ПОЛОТНА, которое было сшито из 16-ти квилтов (поминальное полотно, изготовленное, в основном, в лоскутной технике). Огромное полотно было развернуто на одном из зданий в последних числах октября. Здесь же был проведен митинг в День памяти жертв политических репрессий.

Не могу сказать, что исследование репрессий дается нам легко. Не все посетители однозначно реагируют на экспозиции, связанные с трагическими страницами истории. Некоторые себя отгораживают и даже не входят в залы, где мы рассказываем об этом («В жизни и без этого много проблем»). Не мало остается и приверженцев сталинской политики. Наверное, музейщикам было бы проще жить, если закрыть отдел и заниматься чем-то более спокойным. Но для нас этот вопрос никогда не ставился таким образом. Каждый сотрудник музея хорошо понимает что без истории памяти неминуемо наступит пора забвения, в которую нас все больше втягивает массовая культура, бездуховность.

Многое забывается, затягиваются раны, но в музей постоянно тянутся люди, которым интересна судьба родственников, места, где они жили в заключении или ссылке. Они пишут, приезжают, направляют воспоминания, фотографии, просят помощи в организации их поездки в Игарку. Ежегодно в город приезжают бывшие заключенные, их родственники, исследователи, писатели, журналисты.

В 2006 году в Игарке и Ермаково (место расположения гражданского поселка и зоны для заключенных) побывал бывший политзаключенный Вальтер Руге, проживающий сейчас в Германии. Студенты киноакадемии в Людвигсбурге снимали о нем фильм. В конце июня 2009 г. ожидается приезд латышского журналиста И.Кнагиса, бывшего спецпереселенца, участвовавшего в установке креста в память о погибших в станке Агапитово. Тесные связи поддерживает музей с обществом бывших сосланных в Литве, возглавляет которое Римвидас Раценас. Он неоднократно бывал в Игарке, занимался установкой памятника на местном литовском кладбище.

В просветительской деятельности музея тема репрессий занимает не последнее место. Так, в течение последних 7-ми лет в образовательной программе, которая реализуется с Игарской школой № 1 им. В.П. Астафьева, представлена тема «503 стройка». Учащиеся становятся участниками акций памяти, которые прово-

дятся на месте бывшей трассы Салехард-Игарка, различных экспедиций. На основе собранных материалов они пишут собственные исследовательские работы. Они неоднократно были отмечены Дипломами на Всероссийских конкурсах «Человек в истории. XXI век».

Довольно часто игарским музейщикам приходится участвовать в акциях, которые выходят за рамки основной деятельности. Отношение к памятникам и памятным местам, в целом, к истории не может оставить равнодушным того, кто многие годы отдает сохранению культуры. Мы не можем спокойно реагировать на то, что из бывших лагерей, поселков вывозится на металллом брошенное после ликвидации Стройки 503 оборудование, рельсы. В августе 2005 года в результате нашествия целой экспедиции вандалов посёлка Светлогорск из Ермаково были вывезены даже 2 паровоза (тип «овечка», который выпускался в начале прошлого века и использовался на Стройке 503). Они находятся в настоящее время на одном из причалов Светлогорска, здесь же валяются многие металлические предметы, вывезенные из Ермаково. Игарская прокуратура повторно расследует дело о вывозе паровозов, которые находились в историко-архитектурной зоне местного значения, откуда вывоз предметов был запрещен. Сотрудники музея не только выезжали вместе с работниками Игарского ГОВД для проведения осмотра, но и вынуждены были самостоятельно заниматься поиском документов, фотоматериалов, очевидцев, консультантов. Правоохранительные органы склоняются в таких вопросах больше к тому, что нет по сути владельцев паровозов, нет экспертизы на предмет того, что это историческая ценность. Неужели пример того, как можно в современное время безнаказанно растаскивать кладбище, где покоятся не только брошенные предметы, но остались без надгробий сотни захоронений как заключенных, так и вольнонаемных, может повториться? Неужели над Ермаково, как и над всей стройкой 503, никогда не поднимется памятник строителям «мёртвой» дороги?

Игарским музеем разработана программа по использованию паровозов, увековечению памяти строителей дороги Салехард-Игарка. Она была представлена и в Игарский горсовет, и в Туруханский районный совет. Но ответа не последовало. На фоне этой тишины становится не по себе, когда читаешь в красноярской прессе о том, что уже отлита статуя Сталина, которая в ближайшее

время будет вновь установлена в селе Курейка. Неужели память о тиране будет увековечена раньше, чем о жертвах его репрессий?

ВЕСНА НА ЗАРЕЧНОЙ УЛИЦЕ

А.Афанасьев

Научный сотрудник
Музея истории города Бородино

Сегодня Мария Андреевна Авдюкова пенсионерка. Восемнадцать лет как на заслуженном отдыхе. В доме их теперь двое: она да муж. Дети разъехались. Летом супруги хлопчут в огороде, в саду – дом то у них настоящая дача, стоит на окраине города, на «шестом» участке. Осенью заняты уборкой урожая, заготовкой солений, варений. Ну а долгими, зимними вечерами коротают время за разговорами о нынешней и прошлой жизни. И ждут очередную весну, которая обязательно принесёт с собой яркое и тёплое солнце, звонкий щебет птиц, аромат молодой зелени и садово-огородные хлопоты, беспокойные и приятные одновременно.

Откажись от мужа – иначе в Сибирь

Но в жизни Марии Андреевны весна не всегда приносила светлые и радостные ощущения. Шёл 1930 год. Её отца, тридцатидвухлетнего крестьянина села Политанки, что в Винницкой области, Андрея Емельяновича Ратушняка арестовали. По решению местных властей Шаргородского района «по политическим мотивам». А мотив в те времена был простой: на личном подворье у трудолюбивого мужика имелась разная живность, в том числе корова и лошадь. А это уже было основанием считать такого хозяина сельским буржуа или по-другому мироедом. В официальных документах их называли ещё кулаками.

Её мать осталась после ареста мужа с двумя маленькими дочками на руках. Маше тогда было четыре годика, а её старшей сестре Насте – шесть лет. Через несколько дней, как увели хозяйна, к ним пришли представители деревенской власти и увели со двора их кормилиц – корову и лошадь. Как прожила мать ту зиму, узнала позже из её рассказов.

По весне к ним в дом опять пришли. На этот раз с предложением: откажись, Татьяна Ивановна, от своего мужа, покаяйся на сельской сходке за грехи Ратушняка, а нет, так отправишься вслед за ним в Сибирь. Она ответила просто и коротко: не могу я отказаться, у меня от него детки. И в начале лета тридцать первого года поехала в Красноярский край на таёжную речку Ману, где её ссыльный муж трудился на лесоповале. А детишки остались у родни. Настю забрал материн брат, а Машу приютила сестра матери.

Подошла осень. Повели Настю записывать в первый класс, а там ответили, как отрезали: для кулацкой дочери у нас места нет. Так и просидела девочка зиму дома.

Пункт назначения – Большой Унгут

Весна и лето тридцать второго пролетели быстро. И вот однажды в один из августовских дней в село приехал дядя Вася. Когда-то он жил в соседней деревне, но также как и их отец был сослан в Сибирь как враг народа. Работали они с ним вместе, на одном лесоповале. Приехал он, чтобы забрать свою семью, а заодно и их по просьбе своего товарища по несчастью.

Ехали по железной дороге долго-долго, почти месяц томились в товарном вагоне, который взрослые называли «телятником». Путешествие по рельсам закончилось на станции Камарчага. Дальше поехали на телеге. Добрались до деревни Нарва. Здесь их уже ждал отец. На лодке они спустились до маленького посёлка на берегу Манны. Это и был Большой Унгут, поселение ссыльных с Украины, с Забайкалья.

А перегородок в бараке не было

Мария Андреевна хорошо помнит их первое жилище. Это был большой деревянный барак, одиноко стоявший на левом берегу реки. В нём жили ссыльные. Сюда и вселяли приезжающих жён и детей. Внутри барака ничего, одни топчаны, да две железные печки-буржуйки, стоявшие по обоим торцам барака. Запомнилось ей и то, что на топчанах не было матрацев, их заменяла трава, покрытая мешковиной.

И ещё ей запомнилось: внутри не было никаких перегородок. Все жили на виду, как и подобает в коммуне. Так и жили около сотни человек до лета тридцать третьего года.

Трава, и та без соли

Летом стали перебираться на правый берег, где с зимы ещё начали ставить дома. Из них получалась целая улица, которую на-

звали Спецпоселенческая. Чуть позже, в отдалении от этой улицы выросла другая, её назвали Вольная.

Это была большая радость – занять свой угол. Но ещё весной замаячила беда – голод. Поселенцы не были готовы к этой напасти. Никто из них ещё не успел обзавестись хозяйством, не имел каких-либо запасов. Мария Андреевна вспоминает, как все поселенцы: и дети, и взрослые ходили в тайгу за черемшой, щавелем, саранками, набивали этой зеленью мешки, приносили домой, мелко-мелко рубили эту зелень, добавляли к ней крапиву и в чугунок. На огне запаривали и без соли (её тоже не было) ели. Так дотянули до спасительной осени.

Новый арест

Отец был работающий мужик. Рвал жилы и на лесной деляне, и дома. Уже к тридцать пятому году он умудрился скопить копеечку и купил корову. И вовремя. В ноябре этого года в семье на одного едока стало больше – родилась третья дочка, назвали Ниной.

Вроде бы жизнь, хотя и потихоньку, но стала налаживаться. Но опять пришла беда. Кто-то из своих, таких же бедолаг ссыльных донёс начальству, что Ратушняк разводит крамолу: дескать, нормы дают нам стахановские, а вот рабочей одеждой не обеспечивают, а она в тайге изнашивается быстро. Валенки и телогрейки с ватниками горят как на огне.

Мария Андреевна вспоминает, что действительно она наблюдала частенько одну и ту же картину: отец сидит подшивает валенки, на которых уже живого места нет, а мать чинит его одежду, накладывая новые заплатки на старые.

Антисоветские разговоры отца даром не прошли. В конце февраля тридцать шестого года его арестовали. Она помнит, как накануне ареста отец вызывал её из клуба, где она смотрела кино, на улицу. И с какой-то покорной обречённостью сказал ей: «Дочка, меня, наверное, опять арестуют. Держитесь тут с матерью, слушайте её, будьте умницами». Его увезли ещё дальше, на Восток. Был в лагере на Зее, в Тынде, строил БАМ. Работал хорошо. Даже однажды пришла от него посылочка. В ней был кусок фланели, её ему выдали на портянки, а мать из этого х/б сшила маленькой Нине пальтишко.

А свою картошку копали при луне

Семья осиротела без хозяина-мужика. Мать в прямом смысле день и ночь билась, как рыба об лёд в заботах, как выжить семье.

Валила лес в тайге, зимой следила за «Ледянкой» (канавка, по которой по жёлобу спускают к берегу брёвна), разносила почту... девочки, как могли, помогали ей.

В год ареста отца Маша не пошла в школу, во-первых, не с кем было оставить младшенькую сестрёнку, а, во-вторых, не было валенок добежать до школы, а морозы тогда были крепкие. Да и дома было не жарко. Она вспоминает, как мать, возвращаясь с работы затемно, всегда несла за спиной поленья, чтобы затопить печку.

Весной и летом работали всей семьёй в колхозе. Дети также садили картошку, капусту, пололи, окучивали, полевали, выдирали сорняки на пшенице. А пятого июля (она крепко запомнила этот день) всей древней выходили на сенокос. Дети под началом взрослого неделю жили на старой лесничьей заимке на левом берегу Маны. Трава там была выше человека. Косили, сгребали в копны. А стога метали уже взрослые. Осенью серпом жали пшеницу, вязали снопы, копали колхозную картошку. Всё это работали на колхозное поле.

А для своей коровки косили, где придётся и как придётся. Сенокос выделяли за рекой. И пока река не замёрзнет, мать, договорившись с кем-нибудь из мужиков, на лодке перевозила часть сена, чтобы прокормить корову до ледостава.

Вину свою искупил кровью

В феврале сорокового года отец вернулся. Стало легче. Но через год с небольшим началась война. Весной сорок третьего отца забрали на фронт. А уже в августе их дом пришла похоронка на него. Погиб он в боях под городом Сумы.

В это время его дочь Мария поступает в Красноярскую четырёхгодичную фельдшерско-акушерскую школу. Авдюкова отмечает, что никаких препятствий при поступлении ей, как дочери врага народа, не было. Как не было их и позже, когда она с дипломом фельдшера устраивалась на работу в больнице на золотодобывающем прииске в Богунае (здесь ей предлагали вступить в комсомол). Ни тогда, когда она работала фельдшером в больнице на шахте в новой Камале, или медсестрой на приёме с терапевтом в шахтёрской больнице посёлка Ирша. Ей доверяли работать старшей медсестрой в детском садике «Ручеёк» в течение шестнадцати лет, откуда она и ушла на пенсию.

Не было никаких препятствий и её сёстрам. Анастасия Андреевна Полежаева тоже закончила учебное заведение. Тридцать лет она была санитарным врачом в бородинском ОРСе,

здесь же она двадцать лет избиралась председателем профсоюзного комитета. И здесь же ей предлагали вступать в партию.

А их младшая сестра Нина Андреевна Ратушняк, около тридцати с лишним была воспитателем в том же детском садике «Ручеёк».

Первые годы каждую послевоенную весну накануне дня Великой Победы тысячами и тысячами людей по всей тогдашней огромной стране вручали почётную награду – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.». Марии Андреевне также вручили эту награду, но значительно позже, осенью 1995 года, а в конце января 1997 года ей выдали документ о её реабилитации как жертве политических репрессий. А весной 2005 года ей вручили медаль в честь 60-летия Великой Победы в Великой Войне, на которой её отец кровью, сполна искупил свою «вину» перед родиной, на которой она своим детским трудом в пору весны своей жизни также добывала эту нелёгкую победу.

Опубликовано районной газете «Бородинский вестник», 28.10.2006 г.

НЕЛЁГКАЯ ДОЛЯ

В.Б.Кузнецова

Директор Партизанского районного музея

В нашем селе Партизанском проживают потомки семьи писателя-земляка Петра Поликарповича Петрова. Их должно быть немало, ведь в семье было девять братьев и сестёр. Просим откликнуться и рассказать о судьбах своих отцов и матерей. Бабушек и дедушек.

Антонина Егоровна Петровна до сих пор живёт в районном центре на улице Александрова. Она была замужем за племянником писателя Михаилом Фёдоровичем Петровым. Он тоже родился в селе Перово в 1923 году. Его мама, Аграфена Константиновна, до последних дней жила вместе с сыном и невесткой Тоней, умерла в 1967 году в возрасте 76 лет.

Антонина Егоровна поделилась своими воспоминаниями об Аграфене Константиновне. Нелёгкая судьба досталась этой женщине. Ещё до революции она овдовела, оставшись с двумя малыши детьми на руках, сыном и дочкой. Муж поехал на Клюквенную на рынок, а назад не вернулся. Злоумышленники поджидали его на дороге, чтобы ограбить, только денег при нём не нашли и убили его. С головы свалилась шапка, она была старая, и на неё не обратили никакого внимания, а в ней то и были спрятаны деньги.

Погоревала Груня. Но ведь детей то надо растить. И вышла она замуж на Демьяна Потылицина, у них родился сын.

Сжигающим вихрем пронесли годы Гражданской войны. В одном из боёв её мужа Демьяна с товарищами схватили колчаковские каратели и казнили на площади у церкви. Командиру Потылицину отсекали голову шашкой, а остальных повесили на вековых лиственницах, что росли рядом, на устрашение жителям села. И никто не мог подойти к казнённым, чтобы снять и похоронить. Каратели искали и Аграфену, чтобы казнить её так же, как и мужа. Но сразу не нашли, а когда кто-то Аграфену выдал, ей придумали другое наказание: запрягли в конную упряжь, били нагайками и гоняли по единственной улице села Перово, выбили ей все зубы и бросили умирать. Усадьбу сожгли, а банька, что стояла на отшибе, осталась цела. Вечером соседи увидели, что засветилось в баньке оконце, пошли предупредить, чтобы уходила Аграфена с детьми, иначе всю семью каратели порешат.

Прошло и это лихолетье. Груня вышла замуж на Фёдора Поликарповича Петрова. Он с детства был слепым, несчастный случай лишил его зрения полностью. В 1923 году у них родился сын Миша. Семья была немаленькая, и решили они, что им нужен хороший дом. Когда Миньке было уже десять лет, начали готовить в лесу брёвна для дома и вскоре выстроили хороший пятистенок. Да недолго пришлось радоваться новосёлам новому подворью.

1937 год. В село Перово пришло известие о том, что в городе Иркутске арестован писатель Пётр Поликарпович Петров по обвинению в контрреволюции. Летом арестовали двух старших сыновей Аграфены Константиновны. Она каждый день ходила в районный отдел НКВД, слёзно просила отпустить её сыновей. Никак не могла понять, в чём их вина. Через некоторое время услышала ответ:

- А ты отдай нам свою избу, и сын будут дома.

- А как же мы? Где жить-то будем?

- Найдёшь что-нибудь.

Четырнадцатилетний Михаил каждый день бегал к братьям, сумку с продуктами через забор передавал. Мать всё горевала, а потом решили отдать дом. Остались всей семьёй на улице, потом купили маленький домик – кухня да комнатка. Позднее сделали небольшую пристройку, так и прожили в этом домике до последних дней.

Михаил Фёдорович во время Великой Отечественной войны защищал Отчизну от фашистов, был участником Сталинградской битвы. После войны вернулся домой, женился на Тоне Саламатовой. Вместе вырастили двоих сыновей и дочь. Жили вместе с Аграфеной Константиновной до 1967 года.

Тёплые слова Антонины Егоровны о своей свекрови берут за душу. Не каждая невестка добром вспомнит свою свекровь и расскажет о ней с любовью.

Опубликовано в районной газете «Вместе с вами», 10 августа 2007 г.

И ЖИТЬ-ТО ПО ИНОМУ НЕ УМЕЛИ, ВИДАТЬ, ТАКАЯ ВЫПАЛА СУДЬБА

Н.А. Лактионова

Директор Бирилюсского краеведческого музея

1933 год. Бурлит жизнь в Бирилюсском районе, куда идут и идут потоки спецпереселенцев. Прибывших «кулаков» распределяют по населённым пунктам, точнее, на те участки, где будут возводиться посёлки. Из села Тархово Пензинской губернии высылают «кулаков» Анастасию Ивановну и Якова Ильича Хитровых. С ними в ссылку отправляются их дети Кузьма, Алексей, Николай и дочь Саша.

Ещё один сын Михаил живёт в Ленинграде, где учится в университете. Когда весть о раскулачивании родителей донеслась до него, Михаил, бросив учёбу, поехал в Сибирь вслед за родителями. Хитровы, как и все крестьяне, имели надел пахотной земли, держали двух лошадей, корову. Работали от зари до зари. Жили безбедно, за что и поплатились.

На жительство их определили в посёлок Сопка. Семьи кулаков селились в наскоро возведённые барки, в землянки. Летом наступил настоящий мор. Люди погибали от голода, инфекционных болезней. По воспоминаниям жителей, точной регистрации прибывающих людей не было, как и не было точной записи погибших. Как вспоминал Михаил Яковлевич: «На веки вечные нам запомнился тот тяжкий 1933 год».

На следующий год стали Хитровы строить собственный дом, мебель мастерил дед. Долгие годы берегли, словно драгоценные реликвии, письменный стол и книжную полку, сделанные дедом в том памятном году, когда обрели собственное жильё на чужбине.

Детей в посёлке было очень много, поэтому появилось решение открыть школу. Преподавателей катастрофически не хватало. Для работы в школе была прислана вольнонаёмная учительница Мария Петровна Морева. Родилась она в крестьянской семье. Детство и юность её прошли в небольшом городке Камень-на-Оби Алтайского края. С детства она мечтала стать учителем, родители её стремление поддерживали. Окончив школу девятилет-

ку с педагогическим уклоном, она уже не сомневалась, что сделала правильный выбор профессии.

- Училась я хорошо, как и все ученики того времени, – вспоминает Мария Петровна. – Мы с огромным интересом посещали все занятия, на уроках сидели тихо-тихо. Много времени уделяли дополнительному образованию. Это и кружки по интересам, и секции по физкультуре. Со школьной скамьи общественная жизнь у меня была на первом месте. Я была организатором учебного комитета, участвовала в драматическом кружке, была одной из первых в спортивных соревнованиях. Все эти навыки мне потом пригодились, ведь учитель не только учит детей, он и организатор, и новатор, и артист в одном лице.

Ещё ученицей Мария Петровна познакомилась с главной наукой учителя – педагогикой.

- Мой трудовой педагогический стаж начался в Новосибирском детском приёмнике, – вспоминала она. – В 1934 году меня направили в Красноярский край в спецпереселенческий посёлок Сопка Бирилюсского района, учителем младших классов.

В этой же школе позволили учительствовать и Михаилу Хитрову. Из его воспоминаний выходило, что в 1934 году в Сопке было два первых класса, в каждом классе обучалось по сорок пять детей и подростков. Школа в те времена была одни из важнейших очагов культуры на селе. Вечерами по инициативе учителей ставились спектакли, готовились концертные программы, даже удалось организовать оркестр, объединявший гитаристов, балалаечников, гармонистов. Михаил Яковлевич был прирождённым артистом, он стал душой педагогического коллектива. Прекрасно играл на гармошке и балалайке, отлично плясал и пел. На концерт в Сопку приходили жители окрестных деревень.

Мария Петровна рассказывала, как однажды перед великим православным праздником Пасхой молодёжь решила устроить танцы. В Сопке был гармонист из высланных кулаков. Жил он вместе с бабушкой. Она была верующей женщиной, соблюдавшей посты и праздники. У этого парня была единственная в посёлке гармонь. Договорились, что гармонист придёт на танцы и принесёт трёхрядку. Но у того дома разразился скандал. Бабушка устроила парню настоящий допрос с пристрастием: куда и зачем идёт? А когда тот признался, что собрался на танцы, заперла в сундук гармонь. Ну, какие танцы без гармошки? Девчата отправились уговаривать строптивую старушку, да у дома спасовали.

Решили, что пусть идёт к ней учительница. Она её сможет уговорить. Отправилась Мария Петровна на переговоры. О чём они беседовали, мы никогда уже не узнаем, но бабушка вручила ей гармонь, и танцы состоялись.

Вскоре Мария Петровна и Михаил Яковлевич поженились. Жили весело и дружно, несмотря на трудности и тот страх, что присутствовал в те роковые годы, которые потом нарекут «годами сталинских репрессий». В 1937 году их перевели в соседний посёлок Полевой, где открывалась школа семилетка. Пришлось обоим пройти курсы повышения квалификации. Мария Петровна стала преподавать русский язык и литературу. Михаила Яковлевича назначили завучем, а директором школы – Константина Емельяновича Буреня.

Трудностей хватило всем – и педагогам, и учащимся. Не хватало чернил, школьных пособий, учебников, тетрадей, карандашей. Заботой для педагогического коллектива стала организация столовой. Учителя знали, что во многих семьях голодают. При школе была открыта бесплатная столовая. Овощи и картофель выращивали на пришкольном участке. Учителям выдавался продовольственный паёк: крупы, масло, сушёная вобла, мука. Зачастую и эти продукты шли в общий котёл. Надо ли говорить, какую невыносимую душевную боль испытывали учителя, увидев рыдающего ребёнка, у которого арестовали отца?

А аресты в Полевом проходили с завидным постоянством. В начале арестовали «диверсионную группу», потом пошли «немецкие шпионы» и прочие «враги народа». Об этом тяжело вспоминать, но всё это прошло через судьбы уходящего поколения. Это их жизнь. Об этом надо знать.

Перед войной Мария Петровна поступила в Красноярский педагогический институт, но война помешала учёбе. В 1942 году Михаила Яковлевича призвали на фронт, а Мария Петровна с дочками Ниной, Верой и малышкой Розой испытала все тяготы военного лихолетья. Обладая железной волей, Мария Петровна могла противостоять любой беде, к ней тянулись люди. Поддержку она находила в письмах мужа, трогательных и добрых. Когда приходило ей письмо, собирались соседи и просили: «Мария Петровна, прочтите нам письмо вслух». Она понимала, что каждая из них ждёт долгожданной весточки с фронта, и читала письма, которые всели веру в Победу.

Военная судьба Хитрова складывалась так. После окончания Харьковского военно-химического училища, которое было в эвакуации в городе Ташкенте, в звании младшего лейтенанта его направили на фронт. Служить довелось в 207-й отдельной роте химразведки при первом Гвардейском танковом корпусе, который входил в состав Второго Белорусского фронта. Бои шли за освобождение Польши. Фашисты оказывали жестокое сопротивление. Под Варшавой взвод автоматчиков под командованием Хитрова, под прикрытием танков пошёл в атаку. В их задачу входила организация «дымовой завесы». Земля стонала от непрерывных взрывов и лязга танковых гусениц. Приблизившись к линии обороны противника, были встречены яростным огнём из пулемётов. Залегли. И вдруг кто-то закричал: «Ротный убит!». И тогда Хитров поднялся в атаку. А за ним вся рота. После боя прямо в окопе ему вручили орден красной Звезды.

У Розы Михайловны Хитровой хранится уникальный документ – военный блокнот отца. В него Михаил Яковлевич и его друзья записывали полюбившиеся им стихи и песни. Допустим, под стихотворением К.Симонова «Жди меня» написано: «От пулемётчика Будникова Г.М. 15.11.44 г.». Под песней «Снова пою» из кинофильма «Большой вальс» Михаил Яковлевич написал: «В память об Иващенко, от которого впервые услышал мотив зимой 1941 г., который нравится Марусе (так он называл жену)». Песен много, и под каждой стоит автограф бойца.

*«Как мы жили, воевали,
Как два слова: «Родина и Сталин»
Нас веди к победе над врагом
От Николая 24.04.1944 г.»*

В этом же блокноте есть адреса фронтовых друзей. Война закончилась для Михаила Яковлевича под немецким городом Гюстраф, а потом ещё год ему пришлось служить в Германии. Сохранились уникальные фотографии того периода. В марте 1945 года он был удостоен ордена Великой Отечественной войны 2-й степени. Награждён медалями: «За взятие Варшавы», «За Победу над Германией».

Его возвращение домой в их семье часто вспоминают. Был солнечный зимний день. Старшая дочь отправилась покататься на лыжах. Мария Петровна говорит ей: «Ниночка, далеко не уходи, скоро папка придёт». Вышла на крыльцо и видит, идёт солдат

с войны, в одной руке аккордеон, в другой – солдатский вещмешок. Встреча была радостной.

После войны они переехали из Полевого в райцентр. В 1957 году Михаила Яковлевича назначили заведующим районо. В этой должности он проработал до ухода на заслуженный отдых. Михаил Яковлевич был прекрасным лектором-пропагандистом. Его очень уважали и любили односельчане. Лекции проходили в клубе, при большом скоплении людей. Марии Петровне также постоянно приходилось совмещать педагогическую деятельность с общественной работой. Она неоднократно избиралась депутатом сельского Совета, несколько лет подряд возглавляла женсовет. Они воспитали достойных дочерей, трое из которых стали учителями. Мария Петровна и Михаил Яковлевич оставил о себе светлые воспоминания у односельчан.

Материал опубликован в районной газете «Новый путь», 24.08.2006 г.

Из АГАПИТОВО ПРИШЁЛ ЧУДОМ УЦЕЛЕВШИЙ «СКЕЛЕТ»

Р. Янкович

Спецпоселенка

Посёлок Усть-Хантайка

Дудинский район, Таймырский национальный округ

Родилась в 1922 году в независимой Латвии в г. Лиепая. 14 июня 1941 года был арестован отец. Вместе с матерью Натальей Викторовной Янкович и братом Юрием была депортирована в Пировский район Красноярского края. В июне 1942 года находилась на спецпоселении в посёлке Усть-Хантайка Дудинского района Таймырского национального округа.

30.10.42 г.

Усть-Хантайка. Две недели Юра лежит в нарывах и с температурой 40. Мама режет нарывы папиной бритвой. Зима. Пурга. Каждое утро ждём, чтобы кто-нибудь откопал нашу дверь. От

речников-зимовщиков (у них было радио) узнаём об окружении гитлеровцев под Сталинградом...

8.10.42 г.

Усть-Хантайка. Продавец нашего магазина на оленях привезла из посёлка Потапово (70 км.) продукты, поэтому месячная норма на декабрь стала: сливочное масло-200 гр., сахар – 400 гр., оленье мясо-500 гр., белая мука-700 гр., вермишель-800 гр., тёмная мука вместо хлеба на 10 дней-4 кг. Проклинаем местную власть, которая по воде не удосужилась по станкам сделать своевременный зимний завоз продуктов. Склад магазина пустой, а в посёлке 450 едоков.

16.12.42 г.

Усть-Хантайка. Прибыли два офицера НКВД вести допрос по факту воровства рыбы из десяти сетей, установленных на Енисее для подледного лова. Также они интересовались у представителя колхоза Э. Эрдман о Юре. Им стало известно, что он якобы фашист. Но всё прошло спокойно, донос не подтвердился.

25.12.42 г.

Юра лежит в нарывах на животе и спине. Вспоминаем с мамой и Юрой рождество прошлого года в нормальных европейских условиях. У нас по очереди ночуют латышские семьи. Мама о них заботится, так как они абсолютно не приспособлены к этому ужасу.

01.01.43 Усть-Хантайка. С оказией привезли почту из Пировска (Сибирь), Игарки, Хатанги и Дудинки от врачей.

07.01.43.

Усть-Хантайка. Приехали специалисты из Таймыргосрыбтреста и разрешили впредь рыбу продавать через магазин. С собой увезли воз рыбы. Первое появление над горизонтом на одну минуту луча солнца.

14.01.43.

Усть-Хантайка. Наконец и у меня появилась долгожданная цинка, не держит позвоночник. Мама меня жёстко укутывает в простынь и гонит на мороз. Юра начинает строить дома с россий-

скими «кулаками» под руководством, приехавшего из Потапово, прораба Дюкова.

17.01.43.

Усть-Хантайка. Мороз ниже 50 градусов. Воробьи на лету падают. Холодная вода, подброшенная из стакана с силой вверх, падает, гремя ледяными шариками. А люди? Люди замерзают в землянках.

22.01.43.

Усть-Хантайка. Уже только минус 25-30 градусов. Мама с утра до вечера бегаёт по землянкам и поднимает людей с нар и гонит на улицу, смазывает кровавые от цинги ноги больных. Националы по маминой просьбе привезли из лесотундры еловую хвою. Все пьют горькую хвойную настойку против цинги. Но трупы, трупы семьями каждый день. Дошёл слух, что на станках Агапитово и Никольский все люди умерли...

27.07.43 г.

Усть-Хантайка. Из Игарки (130 км.) вернулись три финна, которые туда сбежали и за четыре месяца хорошо там заработали. Но главное – они рассказали жуткую трагедию:

«Видя в Хантайке свою безысходность и близкую от голода и холода гибель, мы в начале ноября тайно ушли в Игарку, чтобы там заработать деньги и приобрести одежду и питание. Наш путь лежал вдоль правого берега Енисея по льду. На станке Агапитово (45 км.) мы увидели палаточный городок, где в 30-местных палатках лежали примерзшие к жердям и подстилке люди, в основном женщины, дети и меньше – старики. В палатках нет железных печек, не видно дров и вообще признаков жизни массы людей. Обходить все палатки нам было страшно – кругом трупы. И все-таки «живого скелета» мы нашли и узнали от него, что сюда перед самым ледоставом Енисея на пароходе было доставлено порядка 500 человек, в основном немцев из Поволжья и Прибалтики. Людям дали только палатки – ни печек, ни труб для них, ни топоров и пил для заготовки дров, и, главное, без питания. По сути, людей списали полностью. И вот результат – люди умерли с голоду и замёрзли.

Мы почти ползком добрались до Игарки и об увиденном в Агапитово сообщили в спецкомендатуре НКВД. Комендант, вы-

слушав нас, спросил: «А есть там ещё живые?»). Мы поняли из разговора, что спецконтингент, доставленный на станок Агапитово, властью был просто «забыт» и выпал из внимания. Как бы там ни было, по вине власти погибло около 500 человек. Нас накормили и послали на работу в порт на судовые ремонтные работы.

Через четыре месяца на обратном пути ни одной живой души в Агапитово мы не встретили. Возможно, после нашего разговора в спецкомендатуре Игарки оставшихся в живых нескольких немцев и латышей всё-таки успели спасти»

02.03.43.

Тундра. Мама в тундре приняла трудные роды. Малыш остался жив.

04.04.43.

Усть-Хантайка. Финны и немцы из Ленинграда из-за недостаточного питания, отсутствия тёплой одежды и цинги вымирают семьями. Куропатки, теряя белый цвет, улетают в тундру; зайцы продолжают ловиться. Приближается весна.

09.05.43.

Усть-Хантайка. Весна. Енисейская вода поднялась на два метра. Идёт интенсивное спасение примёрзших осенью плотов со стройматериалами. Все на выгрузке и затаскивании брёвен на высокий берег. Из Агапитово пришёл чудом уцелевший «скелет», чуть живой, говорить не может. Сразу доставили в медпункт к моей маме. Выживет ли?...

30.05.43.

Усть-Хантайка. Енисей стал очищаться ото льда, и сразу же появился «птичий базар» – летят лебеди, гуси, утки и все другие водоплавающие пернатые. Стоит на реке сплошной гвалт, гомон птиц – это прекрасное зрелище. Ещё 27 мая, лавируя между льдинами, мы на лодке поплыли на Томский мыс (6 км.), чтобы поставить для рыбаков палатку, а затем решили забросить невод. Течение воды оказалось таким сильным, что наша тоня растянулась на четыре километра с рыбой на пару ведёр.

01.06.43.

Усть-Хантайка. После ледохода мимо нас проплыл первый караван из Красноярска в Дудинку. Началась навигация.

Однако ледоход для Хантайки не всегда проходил без жертв. Так 8 июня погибла молодая девушка Анна Майзингер, 26 лет. Узнав через пять лет о её гибели, я записала в дневник об этой трагедии. Парень и две девушки с ним занимались «спасением» брёвен. От берега по качающимся льдинам добрались до бревна, как вдруг началась подвижка льда. Парень и одна девушка, прыгая с одной льдины на другую, добрались до берега, а Анна двигалась медленно. За эти несколько минут между льдиной и берегом образовалась чистая вода, её относило всё дальше и дальше от берега. В такой ситуации с берега ей помочь ничем не могли. Анину льдину всё дальше и дальше уносило на середину реки. На её крики помощь во время сплошного ледохода была невозможна. Вертолётов тогда на Севере не было. По слухам, Анну видели проплывающей на льдине мимо Потапово и Никольского. Очень жаль погибшую молодую рыбачку Анну Майзингер.

15.06.43.

Усть-Хантайка. На боте приехала из Дудинки комиссия по установлению причин большой гибели людей за прошедшую зиму. На маму была кем-то подана жалоба. Ей было приказано собраться и ехать в Дудинку. Мы поняли, что это такое в СССР, когда по жалобе ищут виновного. Кто-то прибежал из конторы и кричал в защиту мамы. Был ужасный переполох. С ботом пришла почта с письмами- известие о гибели папы в лагере. Мама упала в обморок. Я потребовала от Э.Эрдман отпустить меня для сопровождения мамы. В Дудинке маму три дня «пытали», а затем оправдали. После всего происшедшего мы с семьёй в Хантайку не возвратились и работали на других участках по направлению спецкомендатуры.

Врач Наталья Викторовна Янкович умерла в 1985 году, похоронена в Риге.

Опубликовано в книге «Свеча памяти. Таймыр в годы репрессий. Воспоминания.», Дудинка, 2006 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Фото-экскурсия
по проектам
Красноярского музейного
центра**

Содержание

От редакции	3
ЧАСТЬ I ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНОЕ ПОГРУЖЕНИЕ	
<i>Е.Л.Зберовская</i> Массовые репрессии 1930-е – начала 1950-х гг. в Красноярском крае	6
<i>И.С.Лысенко</i> Развитие темы «Политические репрессии» в Красноярском музейном центре (конец 1980-х начало 2000-х гг.)	21
<i>В.Н.Бондарева</i> О Международной Коалиции мемориальных музеев Совести	32
ЧАСТЬ II МУЗЕЙНЫЙ СЕМИНАР	
Программа краевого семинара-тренинга «Проблемы музейного проектирования. На примере темы «политические репрессии» ».....	36
<i>В.Н.Бондарева, И.С.Лысенко</i> Память о репрессиях в музеях Красноярского края	43
ЧАСТЬ III СОВЕТЫ ПРОФЕССИОНАЛОВ ДЛЯ РАБОТЫ НАД ТЕМОЙ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ»	
<i>В.Г.Марьясов</i> Возможности образно – ассоциативного подхода в музейном проектировании	52
<i>Е.Л.Зберовская</i> Библиографический список для работы над темой «Политические репрессии»	63

ЧАСТЬ IV ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ: ТЕМА СОВЕТСКИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В МАТЕРИАЛАХ
МУЗЕЕВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

<i>Т.В.Игнатьева</i> Инспектор енисейских лесов	70
<i>М.В.Мишечкина</i> Тема репрессий в Игарском музее	75
<i>А. Афанасьев</i> Весна на Заречной улице	83
<i>В.Б.Кузнецова</i> Нелёгкая доля	88
<i>Н.А.Лактионова</i> И жить-то по иному не умели, видать, такая выпала судьба	90
<i>Р. Янкович</i> Из Агапитово пришёл чудом уцелевший «скелет»	94
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Фото-экскурсия по проектам Красноярского музейного цетра	99

**Сборник материалов
краевого семинара-тренинга
«Проблемы музейного проектирования.
На примере темы «Политические репрессии»
(1930-50-е гг. XX в.)**

**13-15 апреля 2009 г.
п. Новобирилюсы
Бирилюсского района Красноярского края**

Редактор Е.Л. Зберовская
Верстка О.Г. Кузнецова

Подписано в печать 27.10.09. Формат 60x84 1/16.
Тираж 200 экз.
Отпечатано ООО Издательство
«Красноярский писатель»,
т. 2-114-800

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК